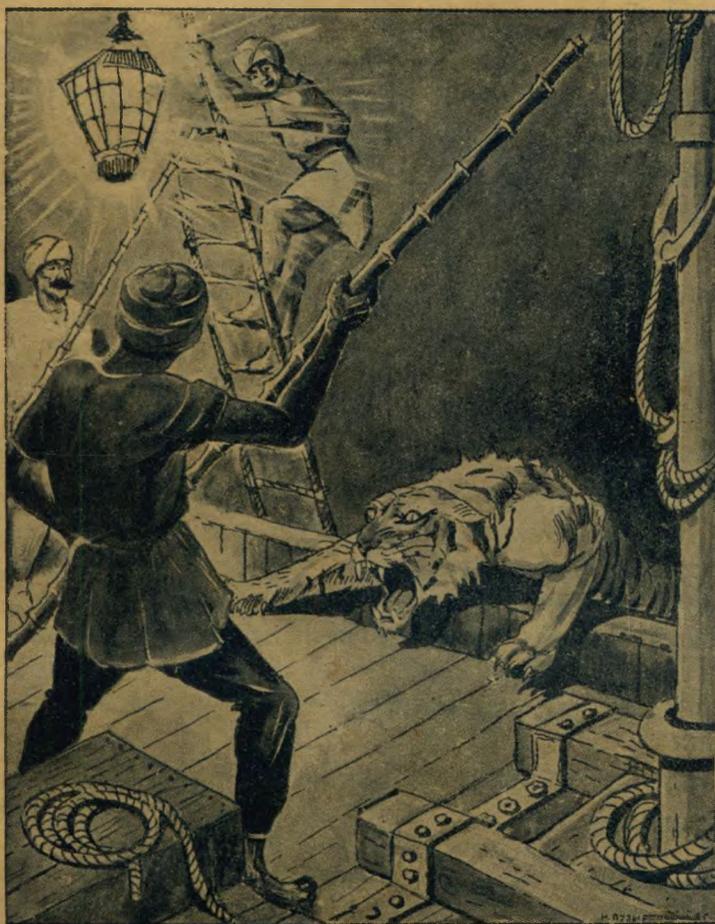

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 2.

ЯНВАРЬ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Море, Кись-Кись и чемоданъ. Разсказъ Н. Т-вой съ 2 рис.	43
Гришка-пономаренокъ. Разск. В. Эшенбруха . .	46
Приключеніе саранга съ тигромъ. Разск. Р. Деліусъ съ 2 рис.	49
Похищеніе Калуки. Изъ африканской жизни, съ 2 рис.	52
Король спитъ. Изъ старинныхъ преданій . . .	55
Танцующая рука. Изъ путешествій капитана Кука	59
Насѣкомыя-каменщики. Статья съ 3 рис. . . .	62
Мячъ-рыба. Статья съ 2 рис.	64
Были и сказанія Руси. Преданія о царѣ Петрѣ, съ 2 портретами и 1 рис.	66
Первый кусокъ, стих. А. Коринфскаго	69
А. С. Грибоѣдовъ. Біографія	71
Бой-скаутъ	73
Спортъ	75
Юный филателистъ	77
Страничка юмора	78
Обо всемъ понемногу: Какъ возникли въ Латвіи города. Рѣдкая добыча. Богатствъ не надо. Птичій госпиталь. Случай на фронтѣ. Квад- ратныя монеты. Забавы и игры. Энциклопедія въ три строчки. Счастливая замѣна. Грандіоз- ные часы. Лошадь-спасительница. Разныя свѣ- дѣнія	79
Конкурсъ журнала „Юный Читатель“	84
Объявленія	86—90

МОРЕ, КИСЬ-КИСЬ И ЧЕМОДАНЪ

Разсказъ Н. Т-вой

Трудно сказать, что разбудило Кись-Кись — предчувствіе бѣды, или просто на нее подѣйствовала качка. Она проснулась и сразу поняла, что одна въ каютѣ. Для большей увѣренности позвала:

— Мама!

Отвѣта не послѣдовало. Кись-Кись приподнялась на локтѣ, чтобы взглянуть на нижнюю койку, и тотчас снова опустилась — почувствовала сильный приступ тошноты: все-таки укачалось...

Вѣдь какъ крѣпилась — весь путь отъ Ялты до Севастополя! Любовалась бѣлыми гребнями волнъ, живописнымъ берегомъ — сперва утопающіе въ зелени дворцы, а затѣмъ голыя крутыя скалы, которыя, подъ лучами заходящаго солнца попеременно становились красными, оранжевыми и фіолетовыми.

Мадемуазель стало дурно, едва онѣ взошли на бортъ „Константина“: боковая качка, говоритъ мама, всегда дѣйствуетъ сильнѣе килевой. Вотъ почему Кись-Кись и мама спустились только вдвоемъ въ большую столовую, освѣщенную странными гранеными лампами, вдѣланными въ потолокъ. Громко шумѣлъ вентиляторъ; въ концѣ стола сидѣлъ самъ капитанъ, и народу, несмотря на качку, было много.

Послѣ ужина вернулись на палубу. Восторгались бѣлой красотой Графской пристани. Забавлялись веселой сутолокой Севастопольской гавани. Слушали громкіе крики

грузчиковъ: „вира, вира помалу, майна!“, что, какъ объясняла мама, значить: опускай понемногу, поднимай. А затѣмъ отправились спать къ себѣ внизъ и долго, долго еще разговаривали въ маленькой каютѣ, гдѣ было уютно, хоть и душно.

А теперь мама исчезла... Мама ушла... Бросила свою дѣвочку, ушла...

Сейчасъ, когда такъ сильно тошнить и болить голова, Кись-Кись особенно остро чувствуетъ одиночество. Кажется, будто она одна среди моря — кругомъ совершенно тихо, только мѣрно стучитъ машина — бьется сердце парохода, по словамъ мамы. Мама, милая мама, гдѣ она? Можетъ быть, съ ней что-нибудь случилось?

Лежа на койкѣ, Кись-Кись видитъ чемоданъ, тотъ самый, въ которомъ мама хранитъ деньги и золотыя вещи, онъ находится справа у занавѣси, висящей вмѣсто двери. Это отчасти успокаиваетъ, а отчасти еще больше волнуетъ. Разъ чемоданъ здѣсь, то и мама гдѣ-то на „Константинѣ“; но въ то же время мама, такая осторожная, никогда не броситъ чемодана съ драгоценностями около двери. Что произошло?

Время тянется, тянется. Мамы все нѣтъ. Который часъ? Прошла вѣчность съ той минуты, какъ она проснулась, думаетъ Кись-Кись. Свѣтло, но круглый люкъ весь въ брызгахъ, и ничего не видно. Встать-бы — нѣтъ, страшно, слишкомъ ужъ тошнить.

Кто-то пробѣгаетъ по коридору. Останавливается у занавѣски, загля-

дываетъ въ каюту. Улыбается. Кись-Кись узнаетъ: прислуга, которая накануне помогла имъ устроиться въ каютѣ.

— Проснулись, барышня?

— Гдѣ мама? — перебиваетъ Кись-Кись.

— Ихъ укачало, на палубу пошли — уже съ часъ будетъ. Помочь вамъ встать, барышня?

— Нѣтъ, Кись-Кись очень благодарна, но ей нехорошо, она еще полежитъ, подождетъ маму.

темномъ рукавѣ. Хватаетъ чемоданъ и исчезаетъ...

Еще нѣсколько мгновений колыхается занавѣсъ, а затѣмъ и она неподвижна. Все попрежнему... Только нѣтъ чемодана.

Кись-Кись въ такомъ ужасѣ, что не можетъ кричать. Въ головѣ проносятся несвязныя мысли. Главное не надо, чтобъ узнала мама — будетъ волноваться, скажетъ: „Ахъ, Киська, Киська, ничего-то тебѣ нельзя довѣрить“. Нѣтъ, Кись-

Привѣтливое румяное лицо скрывается.

Слава Богу, мама нашлась. Кись-Кись теперь спокойна, хотя немного обижена, что мама такъ мало еѣ интересуется.

Снова ползутъ минуты. Кись-Киев тошнить все больше и больше. Она вертится, старается заснуть... И вдругъ широко раскрываетъ глаза.

Занавѣсъ начинаетъ тихо колыхаться. Показывается голова: курчавые волосы, баки, полныя губы... На кого онъ похожъ? Ахъ, да, на памятникъ Пушкина. Неожиданный гость окидываетъ каюту быстрымъ взглядомъ. Останавливаетъ его на чемоданѣ. Просовываетъ руку въ

Кись сама найдетъ вора, отберетъ у него чемоданъ и тогда расскажетъ мамѣ.

Забывъ про качку, про морскую болѣзнь, Кись-Кись дрожащими отъ волненія руками натягиваетъ чулки, надѣваетъ лифчикъ, юбку, платье, кое-какъ застегивая безчисленныя пуговицы. Готова. Теперь скорѣй. Чемоданъ долженъ быть найденъ раньше, чѣмъ мама спустится внизъ и узнаетъ объ его пропажѣ. Но куда идти?

Къ каюгъ-компаніи съ широкими и мягкими диванами, на которыхъ навалены чьи-то вещи, пусто... Кись-Кись въ столовой. Два заспанныхъ лакея накрываютъ на столъ. Должно быть очень рано. Вора, да и вообще никого не видно... Господи!

Хотя-бы пароходъ не зашелъ въ какой-нибудь портъ. Воръ тогда сойдетъ на берегъ и ускользнетъ... Они всегда такъ дѣлаютъ.

На палубу перваго класса идти нельзя — мама сразу увидитъ и начнетъ спрашивать... Съ тоской въ душѣ Кись-Кись бродитъ по какимъ-то коридорамъ, проходитъ третій классъ — убѣжище безкаютныхъ — и внимательно разглядываетъ спящихъ; наконецъ, попадаетъ на кухню.

— Нельзя сюда ходить, барышня, — строго говоритъ толстый поваръ, а сзади него стоитъ поваренокъ и показываетъ ей языкъ.

Въ машинномъ отдѣленіи жара и страшный грохотъ. Двигутся, пытятъ металлическія чудовища. Вора нѣтъ. Кись-Кись также прогоняютъ и отсюда. Можетъ быть лицо Пушкина только гримъ? Въ такомъ случаѣ найти чемоданъ невозможно. Но Кись-Кись все же упорно продолжаетъ поиски. Попадаетъ въ ледникъ, гдѣ висятъ туши мяса. Обходитъ весь второй классъ. Пробирается на капитанскій мостикъ. Никуда ее не пускаютъ, отовсюду гонятъ. А воръ и чемоданъ точно въ воду канули.

Осмотрѣвъ всѣ закоулки, побывавъ на носу и заглянувъ даже въ помѣщеніе команды, Кись-Кись впадаетъ въ отчаяніе. Возвращается къ себѣ въ каюту и окончательно убѣждается, что чемоданъ исчезъ. Слезы навертываются на глаза Кись-Кись: ничего не подѣлаешь, надо сказать мамѣ. И дѣвочка снова подымается на палубу.

Солнцемъ залиты бѣлыя деревянныя скамьи у бортовъ. Необыкновенно чистой и свѣтлой кажется недавно вымытая палуба. Часть пассажировъ уже наверху — сидятъ на скамьяхъ и въ плетеныхъ кре-

слахъ, закутанные пледами. Издали виднѣется милая родная фигура. Золотые волосы блестятъ на солнцѣ. Бѣдная мама, огорчится, разстроится.

Кись-Кись тяжело. Понуро бредетъ она, то и дѣло опираясь о скамьи, чтобъ не упасть; держится средней части палубы, гдѣ меньше качаетъ. Проходитъ мимо семьи англійскаго консула, рядомъ съ которой ужинала накануне. До мамы осталось нѣсколько шаговъ.

Кись-Кись чуть не падаетъ, споткнувшись о канатъ. Пробуетъ удержаться за край скамьи, но вмѣсто нея хватается за чей-то рукавъ. Поднимаетъ глаза и...

— Мама, мама! — кричитъ Кись-Кись, цѣпляясь за пойманный рукавъ, — это онъ, это онъ!

И воръ, укравшій чемоданъ, пораженный внезапнымъ натискомъ, даже не пытается бѣжать.

— Милая ты моя дѣвочка, — говоритъ мама немного погодя, когда все объяснилось, — кромѣ денегъ, въ чемоданѣ находились еще нѣкоторыя лѣкарства отъ морской болѣзни, и потому я была очень благодарна, когда одинъ изъ пассажировъ, видя мое зеленое лицо и несчастный видъ, согласился принести мнѣ снизу чемоданъ. Не всѣ такія крѣпкія, какъ ты, Киська; на свѣжемъ воздухѣ мнѣ лучше, и я боялась, что лишь только спущусь въ душную каюту, со мной сдѣлается дурно, и я буду лежать, подобно мадемуазель. Ты, счастливица, не знаешь, какъ это ужасно!

И тутъ Кись-Кись вспомнила, что у нея начиналась морская болѣзнь, но, вспомнивъ, этого мамѣ не сказала, а, крѣпко къ ней прижавшись, задремала, укачиваемая моремъ.

Р а з с к а з ь.

I.

Среди покрытыхъ снѣгомъ полей раскинулось село Рождественское. Съ давнихъ временъ славилось оно богатствомъ и степенностью жителей. На богатомъ концѣ села, на пригоркѣ, высится бѣлая, какъ снѣгъ, Рождественская церковь, новенькая, о пяти золотыхъ главахъ, и не такая ужъ маленькая, а на взглядъ Гришки-пономаренка, ни въ одномъ сосѣднемъ селѣ не видѣвшаго большей, — и вовсе Лавра.

Жители села живутъ тихо и мирно, и совсѣмъ бы хорошо жили — по-старинному, да только одно горе: седьмой годъ уже какъ одна половина села съ поповскимъ домомъ и школой отошла въ Эстонію, а другая въ Совѣтчинѣ осталась съ церковью, да безъ попа, съ ребятишками, да безъ школы.

Многіе степенные мужики горевали объ этомъ. Вотъ завтра праздникъ престольный, а попа нѣту обѣдню служить, да и церковь который годъ стоитъ заперта.

Гришка, сынъ умершаго пономаря, жилъ теперь на „оживеніи“ своего дяди по матери, человѣка, который или выпивалъ, или опохмелялся. Плохо приходилось Гришкѣ — прямо житья не было: дядя или бьетъ, или изъ дома гонитъ. Ъсть никогда не давалъ, питался Гришка гдѣ попало, а больше у мать-дьяконицы, вдовушки. Только и отрады было Гришкѣ, что залѣзеть бывало на подоконникъ церковный и лупить глаза въ церковь — разсматриваетъ.

И сжился Гришка съ пыльнымъ иконостасомъ, съ большой люстрой, висѣвшей посреди купола, и съ ангелами, что въ куполѣ намаляваны. Особенно ему ангелы нравились. Пробовалъ онъ у мать-дьяконицы такихъ же карандашами нарисовать, да ничего не выходило. Сжился Гришка съ церковью, и больно захолонуло у него сердечко, когда онъ услышалъ сегодня отъ Егорки комиссарова, что комсомольцы рѣшили завтра утромъ „для праздничка“ церкву изгадить. Долго думалъ Гришка и рѣшилъ сегодня ночью въ церкву залѣзть и со всѣми иконами перецѣловаться, съ праздникомъ ихъ поздравить, какъ покойная маменька учила, а потомъ ужъ Богъ съ ними — пускай разбираютъ.

Поздно вечеромъ явился Гришкинъ „оживитель“ — дяденька Оська, стелька-стелькой: слова путнаго вымолвить не можетъ, да еще бутылъ самогону съ собой принесъ. Велѣлъ Гришкѣ подать копчонки и краюху хлѣба и долго сокрушалъ свою бутылку. Сокрушилъ — и спать завалился. Этого только Гришкѣ и надо. Тихонько обыскалъ онъ дядькинъ тулупъ, вынулъ ключи церковные изъ кармана, накинулъ свой кафтанчикъ, укутался въ шубенку мамкину, прыгнулъ въ дядькины валенки и былъ таковъ. Черезъ минуту звенѣли ключи церковные въ Гришкиныхъ рукахъ, и скрипѣли петли открываемой двери.

Осторожно ступилъ Гришка въ освѣщенную луною церковь. Жутко... Строго глядятъ святые съ иконостаса, и плачеть, склонивъ голову, распятый на крестѣ Христоръ.

Гришка оглядѣлся. Многое ему знакомо, многое изъ этого видѣлъ онъ въ окошко церковное.

За иконостасомъ алтарь, — тамъ Гришка никогда не былъ. Помнить, какъ отецъ говорилъ: „выростешь, мнѣ помогать станешь, такъ и увидишь“. — Теперь большой, теперь можно! — рѣшилъ Гришка и, съ благоговѣніемъ напѣвая про себя рождественскія пѣснопѣнія, толкнулъ дверку съ нарисованнымъ на ней Архангеломъ. Переступивъ порогъ, онъ глянулъ впередъ. Глянулъ — и мураши по спинѣ забѣгали: прямо передъ нимъ на стѣнѣ висѣлъ большой образъ, — Гришка зналъ, что это образъ Рождества Христова, — но образъ былъ особенный. Звѣзда изъ угла образа ярко свѣтила на весь алтарь, а Младенецъ Христосъ на ручкахъ у Пресвятой Дѣвы, ласковый такой, сидѣлъ и пальчикомъ пухленькимъ Гришку манилъ. Дѣва Пресвятая радостная сидитъ, да и Святой Иосифъ улыбается. А Христосъ все манитъ и манитъ пальчикомъ. Оправился Гришка, подошелъ поближе и чудится ему — Богородица добренькимъ голоскомъ, какъ маменька покойная, говорить: „Слава ти, отрокъ, что пришелъ съ нами попрощаться, — правда, что ты насъ больше не увидишь“.

Екнуло сердце у Гришки, а Богородица-то будто дальше говорить: „Пожалѣй ты, милый, насъ. Пять лѣтъ здѣсь не чищено, пять лѣтъ не убрано; подбери, милый, все да подмети. Не забудеть тебѣ Мой Сынокъ этого“.

Оглядѣлся Гришка; чѣмъ бы почистить, съ чего начать? Все кругомъ въ пыли, грязи особой нѣту... Хлопнулъ Гришка себя по лбу: до дому добѣжать — разъ плюнуть. Дядька пьяный спитъ. Свисну тряпку и метлу и приду чистить.

Духомъ слеталъ Гришка до дому. Дядька лежитъ, стонетъ... Ну, да Гришкѣ къ этому стону не привыкать-стать. Наслышался. Схватилъ онъ метлу да дядькину старую рубаху и опять въ церковь. А на дворѣ снѣгъ поросить, слѣды заметаеть.

Принялся Гришка алтарь чистить; пыль обтеръ, подмель, а потомъ разошелся и церковь подметать началъ и все про себя Рождественскія молитвы мурлычетъ.

Подмель Гришка церковь, да еще что-нибудь сдѣлать охота. Вспомнилъ онъ, что иконы не вытиралъ, хватъ, а вытереть-то нечѣмъ, надо вѣдь что-нибудь чистое: рушникъ или холстинку, не рубахай же дядькиной святыхъ утирать. Наконецъ догадался: побѣжалъ въ алтарь, снялъ съ престола холстину, стряхнулъ съ нея пыль пятилѣтнюю въ углу и протеръ иконы. Кончилъ все и опять въ алтарь: на Христосика насмотрѣться не можетъ. И опять слышитъ, будто говоритъ ему Богородица: „Открой, отрокъ, врата Царскія, дерзай, грѣха нѣту въ семь дѣлъ“.

Открылъ Гришка врата... Походилъ, походилъ еще по церкви, притомился и, свернувшись калачикомъ, уснулъ въ углу, за свѣчнымъ прилавкомъ.

II.

Рано проснулся Гришка — чуть-чуть отражался свѣтъ на стѣнахъ купола и румянилъ лучами восходящаго солнца крылышки Ангеловъ.

Опомнившись, Гришка, теперь уже съ видомъ хозяина, обошелъ

церковь и алтарь, въ которомъ все также свѣтилась икона Рождества. Въ одной, или двухъ лампадахъ нашель Гришка остатки масла, и сейчасъ же въ мозгу его блеснула идея: надо лампадки зажечь. Быстро нашель онъ въ безпредѣльномъ пространствѣ своихъ дырявыхъ кармановъ коробку спичекъ, чиркнулъ и заправилъ лампадки въ иконостасѣ. Затѣмъ, истово крестясь, обошелъ всѣ иконы, поздравилъ святыхъ съ Рождествомъ Христовымъ, медленно вышелъ изъ церкви, заперъ дверь, расчистилъ дорожку отъ церкви на улицу и побѣжалъ въ сторожку. Дядька спалъ. Гришка сунулъ въ его тулупъ ключи и побѣжалъ на деревню „Христа славить“. Рѣдко, кто пускалъ Гришку: комсомольцевъ своихъ боялись, но тѣ, кто пускалъ, всѣ восторгались его чистенькимъ голоскомъ и знаніемъ молитвъ.

Бѣгая по деревнѣ, Гришка не замѣтилъ, какъ пробѣжалъ завѣтную для селянъ черту — канавку съ пестрымъ столбомъ — и очутился онъ у дома священника. Постучалъ.

— Кто тамъ? — окликнулъ его мягкій голосъ изъ-за двери.

— Пустите Христа славить.

Дверь отворилась, и на порогѣ показалась матушка.

— Да ты чей мальчикъ-то? — спросила она.

— Я-то? — удивился Гришка, — меня всѣ знаютъ, я — Гриша-пономаренокъ.

— Батюшки! Да какъ же ты границу перебѣжалъ?

— Границу?

Тутъ только сообразилъ Гришка, что вѣдь это матушка-попадья.

— Ишь ты, значить, къ эстонцамъ забѣжалъ! Да какъ же тебя Богъ-то миловалъ, не пристрѣлили? — Дивилась и охала попадья.

— Да я Ему алтарь почистилъ.

— Кому?

— Да Богу, Христосику.

„Боленъ, вѣрно, малышъ“, — рѣшила про себя матушка и повела мальчика въ комнаты.

Накормивъ и напоивъ его, матушка съ батюшкой принялись его

разспрашивать, какъ онъ перебѣжалъ границу и какой алтарь онъ Боженькѣ чистилъ. Гришка, степенно попивая чай изъ большой цвѣтной кружки, такъ же степенно, съ вѣсомъ, рассказывалъ и о дядькѣ Оськѣ, и о комсомольцахъ, и о церкви, и о Христосикѣ.

Воистину слава ти, отрокъ, — проговорилъ батюшка по окончаніи его рассказа, — Господь избралъ тя Своимъ орудіемъ“.

III.

Между тѣмъ, на совѣтскомъ концѣ села, у клуба собрался „крестный ходъ“ комсомольцевъ. Въ размалеванныхъ ризахъ и стихаряхъ, съ омерзительными хоругвями и иконами шли они по направленію къ церкви. Предсѣдатель „ячейки“ побѣжалъ къ дядѣ Оськѣ за ключами. Долго будилъ онъ Оську и не добудился; разсмотрѣвъ его поближе, предсѣдатель выскочилъ и крикнулъ ожидавшимъ:

— Здохъ старый хрычъ съ самогону; ходи, ребята, помоги ключи искать!

Ключи были быстро найдены, и скоро комсомольцы со смѣхомъ хлынули въ церковь и... остолбѣнѣли.

Прямо на нихъ сквозь открытыя Царскія врата смотрѣлъ строгій младенческой ликъ Христа, блескъ звѣзды жегъ глаза, а сѣдой Іосифъ гнѣвными глазами пожиралъ кощунствующихъ. Какъ одинъ, сняли комсомольцы шапки и, неумѣло крестясь, поторопились выбратъся изъ церкви.

На другой день понаѣхали власти, начали слѣдствіе, но ничего не раскрыли и убрались во-свояси.

—

Гришка остался въ Эстоніи.

Батюшка его усыновилъ и жилось ему послѣ Оськиныхъ мученій всласть; лишь изрѣдка скучалъ онъ по окошку церковному да по мать-дьяконицѣ.

В. Эшенбрухъ.

Мы плыли по лабиринту Ганга среди великолѣпія дикихъ джунглей, на одномъ изъ пароходовъ, обслуживающихъ сообщеніе между поселками, разбросанными въ дельтѣ священной рѣки индусовъ.

Пароходы эти напоминаютъ плавающее дома. На мостикѣ судна возвышается лоцманская рубка, похожая на домикъ. Отъ рубки на высотѣ мостика къ носу судна ведетъ узкій длинный проходъ. Стоя въ концѣ этого прохода, можно видѣть воду, разрѣзаемую носомъ судна.

Съ этого мѣста можно наблюдать и жизнь прибрежныхъ джунглей. Отсюда видѣли мы стада буйволовъ, неподвижно стоявшія въ тинѣхъ подъ зарослями баньяновъ; подчасъ олени, выбѣгавшіе на открытое мѣсто, замѣтивъ пароходъ, стремительно уносились въ чащу; когда мы приближались къ берегу, болотныя птицы, тревожно крича, поднимались съ воды и исчезали въ заросляхъ, а почти надъ нашими головами въ вѣтвяхъ прыгали обезьяны, проявляя дѣтское любопытство къ намъ и къ пароходу.

Какъ-то вечеромъ наше судно причалило на ночь къ берегу неподалеку отъ маленькаго поселка. Я сидѣлъ на мостикѣ, наблюдая, какъ загорались во мракѣ свѣтящіяся

жуки, летѣли сотнями причудливыхъ огоньковъ и гасли вдали. Лай шакаловъ былъ единственнѣмъ звукомъ, нарушившимъ тишину ночи.

Рядомъ сидѣлъ мой спутникъ — молодой англичанинъ. Это былъ страстный охотникъ, — по крайней мѣрѣ онъ самъ рассказывалъ, что ему обязаны смертью многіе хищники джунглей.

Любимой темой его были тигры. И на этотъ разъ онъ заговорилъ о нихъ.

— Случалось вамъ видѣть плавающего тигра? — спросилъ онъ.

Я пожалъ плечами.

— Этого невозможно видѣть: всѣ животныя кошачьей породы чувствуютъ отвращеніе къ водѣ.

— Вы думаете? А я собственными глазами видѣлъ, какъ тигръ, преслѣдуемый охотниками, бросился въ рѣку и переплылъ ее.

Я не рѣшался прямо высказать недоувѣрія — охотники очень обидчивый народъ — и промычалъ подъ носъ что-то неопредѣленное.

— Плавающий тигръ — не рѣдкость въ этихъ мѣстахъ. Что бы вы сказали, саибъ (господинъ), если бы видѣли, какъ это довелось видѣть мнѣ, сразу пятерыхъ тигровъ въ водѣ?

Это сказалъ старый сарангъ (капитанъ) парохода, незамѣтно подо-

шедшей къ намъ, и слышавшей разговоръ.

Изумился не только я, но и мой сосѣдь.

Капитанъ движеніемъ руки, приглашавшимъ къ молчанію, прервалъ наши возгласы удивленія.

— Въ этихъ мѣстахъ можно столкнуться съ болѣе страшными явленіями, — сказалъ онъ. — Хотите, я расскажу вамъ, что пришлось мнѣ испытать ровно годъ тому назадъ на палубѣ этого парохода между Кульной и Мадарипуромъ?

— О, конечно! — вырвалось у меня.

Сарангъ присѣлъ рядомъ, закурилъ папиросу и началъ:

— Это былъ такой же чудесный вечеръ, какъ сегодня, только было, пожалуй, темнѣе. Мы находились въ надежномъ фарватерѣ, а потому я передалъ руль одному изъ матросовъ, а самъ, ради развлечения, сѣлъ поиграть въ карты съ нѣсколькими знакомыми, находившимися на борту.

Тишина была полная. Вдругъ съ носа судна раздался крикъ, крикъ смертельнаго ужаса. Я бросилъ карты, вскочилъ и побѣжалъ на бакъ, сознавая, что случилось что-то болѣе, чѣмъ неладное.

Дѣйствительно, я встрѣтилъ бѣгущаго рулевого. На мой окликъ онъ только махнулъ рукой назадъ — должно быть, былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить.

Палуба была пуста. Матросъ могъ увидѣть что-нибудь лишь за бортомъ судна. Что это могло быть? Неожиданное препятствіе, грозившее гибелью?

Въ нѣсколько прыжковъ я очутился на носу. Саибъ, я не боязливъ, но то, что я увидѣлъ, когда наклонился надъ поручнями, было такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно, что у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

При свѣтѣ судовыхъ фонарей я различилъ голову большого тигра, глаза котораго сверкали, какъ зеленатые огненные шары. Его туловище было наполовину въ водѣ. Передними лапами онъ цѣплялся за низко опущенную якорную цѣпь.

Звѣрь напрягалъ всѣ силы, чтобы подняться по ней и вскочить на бортъ судна.

Что дѣлать? Сбѣжавшей рулевой до того перепугалъ матросовъ, находившихся на палубѣ, что всѣ они поспѣшили спрятаться. Между тѣмъ не было сомнѣній, что тигръ добьется своего и вскочить на палубу.

Настойчивость хищника убѣдила меня, что это былъ старый тигръ-людоедъ, который, какъ извѣстно, не останавливается ни передъ чѣмъ, если видитъ возможность полакомиться человѣческимъ мясомъ.

Черезъ минуту тигръ очутился на палубѣ. Тутъ блестящая мысль осѣнила меня: тигръ держался только на якорной цѣпи, и я рѣшилъ лишить его этой опоры.

Быстрѣе молніи помчался я въ рубку и по рупору далъ приказъ въ машинное отдѣленіе опустить цѣпь. Послѣ этого я снова прошелъ на носъ. Тигръ висѣлъ еще на цѣпи. Но вотъ цѣпь начала медленно опускаться. Рѣзкій толчокъ, — и тигръ рухнулъ въ воду.

— „Теперь мы отъ него избавились“, — подумалъ я, но оказалось, это было большимъ заблужденіемъ.

Пароходъ изъ-за мрака шелъ крайне тихо, и тигръ не потерялъ надежды забраться на палубу. Онъ плылъ сильными толчками и не отставалъ отъ насъ. И теперь, саибъ, вы услышите самую замѣчательную часть моего приключенія.

Наше судно, нагруженное рисомъ, сидѣло очень глубоко въ водѣ. Сильный и ловкій звѣрь довольно легко могъ достать передними лапами палубу. Я и набравшіеся храбрости матросы вооружились бамбуковыми жердями и сдѣлали попытку оттолкнуть тигра подальше отъ борта.

Результатъ получился неожиданный. Тигръ пришелъ въ невѣроятное бѣшенство и съ удвоенной силой устремился къ борту.

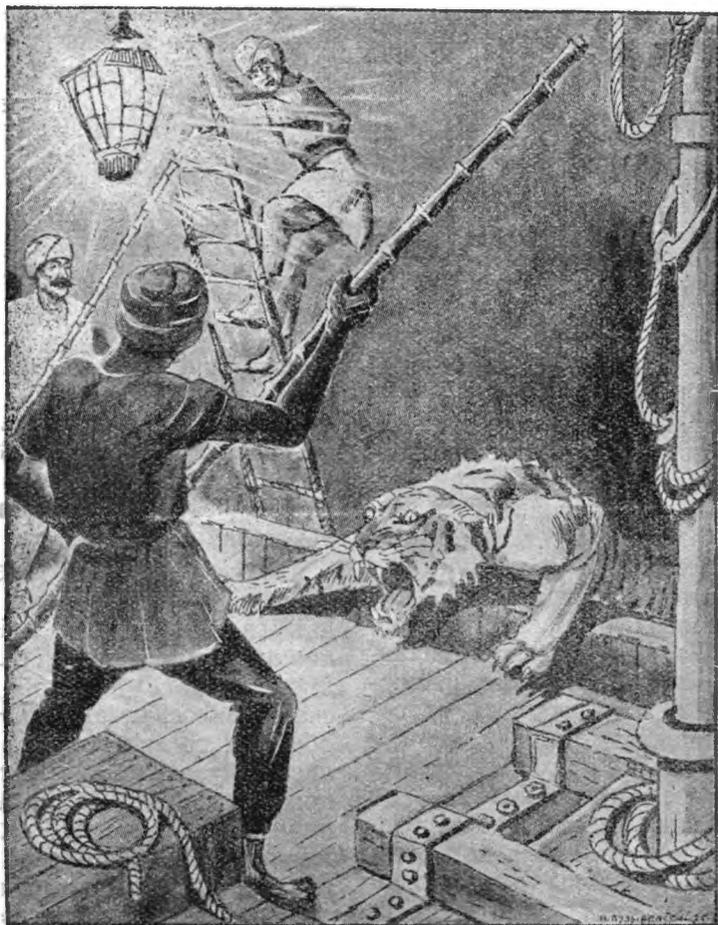
Не успѣли мы отпихнуть его, какъ хищникъ могучимъ движеніемъ выбросился изъ воды настолько, что когти его переднихъ лапъ впились въ доски палубы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня.

Бррр... Мнѣ и теперь страшно вспомнить объ этомъ... Тигръ напрягъ всѣ силы. Когти его заднихъ лапъ нѣсколько мгновений скреблись объ обшивку борта, затѣмъ прыжокъ и... тигръ очутился на палубѣ.

Поджавшись, скаля страшные зубы, онъ яростно хлесталъ себя по бокамъ хвостомъ, очевидно готовясь къ прыжку. О, саибы, это было ужасно! Мои старья колѣни дрожали какъ въ лихорадкѣ...

— Но, сарангъ, — прервалъ капитана мой спутникъ, — почему вы

ляли даже изъ нихъ. Кромѣ того, въ ту поѣздку не было на пароходѣ ни одного бѣлаго саиба.. Мы находились въ такомъ страхѣ, что не могли даже кричать. Да, мы имѣли право считать себя погибшими. Но... Богу угодно было сохранить насъ. Въ тотъ моментъ, когда тигръ приготовился прыгнуть, раздался позади насъ громкій окрикъ: „Дайте дорогу!“ Я узналъ голосъ одного изъ кочегаровъ и едва успѣлъ посторониться, чтобы дать дорогу ему и тому, что было у него въ рукахъ.

съ самаго начала не взялись за ружья? Это же дѣтская затѣя выступать противъ тигра съ бамбуковой тростью!

Старый индусъ вздохнулъ.

— У насъ не было ружей. Ни я, ни мои матросы никогда не стрѣ-

Онъ несъ пруть, какимъ мѣшаютъ пароходную топку, и конецъ прута былъ докрасна накаленъ.

Тигра озадачило появленіе новаго противника. Онъ медлил съ прыжкомъ, но лишь только замѣтилъ, что огненное желѣзо направляется къ

нему, метнулся вперед и повалилъ одного изъ матросовъ.

Пронзительно крикнувъ, кочегаръ кинулся къ тигру и вонзилъ ему въ бокъ раскаленное желѣзо. Раздался шипящій звукъ; противный запахъ горѣлаго мяса ударилъ въ носъ. Отъ дикаго рева звѣря сотрясса весь пароходъ.

Сильная боль заставила тигра отпрыгнуть назадъ. Одно короткое мгновение, саибъ, — и темная масса хищника рухнула въ воду...

Мы ожидали, что тигръ возобновить попытку нападенія, но нѣтъ: онъ поплылъ къ берегу и вскорѣ исчезъ въ ночномъ мракѣ.

— Очень интересное приключеніе, — сказалъ англичанинъ, когда сарангъ умолкъ. — Такія вещи не

повторяются дважды, и я жалѣю, что не присутствовалъ при этомъ.

— Не говорите этого, саибъ, — отвѣтилъ сарангъ, вставая и собираясь уйти. — Я молю Бога, чтобы онъ не посылалъ мнѣ такихъ испытаній.

— Ну, вы еще сомнѣваетесь въ умѣнїи тигра плавать? — спросилъ меня англичанинъ, когда капитанъ ушелъ.

— А вы увѣрены, — возразилъ я, — что рассказъ саранга истина?

Англичанинъ пожалъ плечами.

— Старикъ заслуживаетъ полнога довѣрія, и, кромѣ того, рассказъ его дышалъ искренностью.

Да, безусловно, старому сарангу можно было вѣрить, иначе я не рѣшился бы печатать его рассказа.

Перев. Н. Ф.

Похищеніе Калуки.

Разсказъ изъ африканской жизни.

Мундемга — маленькое поселеніе въ странѣ Нголо въ Западной Африкѣ. Въ маленькихъ хижинкахъ живутъ красивые коричневые полудикари, которые всего лѣтъ тридцать назадъ были людоедами. Теперь людоедство запретили имъ бѣлые завоеватели.

Но въ сосѣдней странѣ Батанцы, еще непокоренной европейцами, въ большіе праздники приносились тайкомъ человѣческія жертвы страшному богу Ю-ю. Эти жертвы кроваваго дикари добывали себѣ у сосѣдей — чаще всего въ странѣ Нголо, гдѣ за нѣсколько дней до празднествъ въ честь Ю-ю пропадали безслѣдно маленькія дѣти. Хитрое племя Батанцы такъ ловко прятало концы въ воду, что подозрѣніе чаще всего падало на хищныхъ звѣрей, и только старики въ поселеніи Мундемга недоувѣрчиво качали головами и говорили:

— Берегите дѣтей. Скоро у племени Батанцы будутъ празднества въ честь бога Ю-ю.

Однажды вождь Мундемги и самые сильные мужчины племени

Нголо отправились въ факторію бѣлыхъ въ Киво, чтобы доставить скупщикамъ слоновые клыки, шкуры, каучукъ и растительныя масла, въ обмѣнъ на европейскіе товары. Оставшіяся дома женщины занялись домашними работами и болтовней.

Алейка, молодая жена вождя, потихоньку отъ всѣхъ выбралась изъ своего шалаша и тайной тропинкой направилась въ дремучій лѣсъ. Дѣло въ томъ, что ей посчастливилось незадолго передъ тѣмъ обнаружить въ лѣсу нѣсколько пчелиныхъ ульевъ, и она рассчитывала поживиться медомъ. Конечно, она приняла всѣ мѣры, чтобы другія женщины не провѣдали о ея походкѣ, иначе ей пришлось бы дѣлиться медомъ съ другими.

Въ руки она взяла калабасъ*) съ плетеной ручкой, а на спину примостила сумку изъ козьей шкуры, въ которой мирно посапывала годовалая дочурка вождя. Крошечная курчавая головка торчала изъ мѣшка

*) Калабасъ — сосудъ изъ половины тыквы, снабженный ручкой.

и мѣрно покачивалась изъ стороны въ сторону. Кожа дѣвчурки была свѣтло-шоколаднаго цвѣта и лоснилась на хорошо упитанныхъ щечкахъ. Маленькую дикарку звали Калуки.

Алейка скорымъ шагомъ двигалась по знакомымъ тропинкамъ и вскорѣ нашла дерево, въ дуплѣ котораго были лакомые соты. Она повѣсила мѣшокъ со спящей Калуки на сукъ ближайшаго фигового дерева. Предварительно она прислушалась — нѣтъ ли на деревѣ обезьянъ, которыхъ могла бы заинтересовать маленькая Калуки.

Потомъ съ большими предосторожностями Алейка извлекла изъ дупла три большихъ сота, разломив ихъ и упрятала въ калабасъ, который плотно прикрыла крышкою, а затѣмъ направилась къ фиговому дереву. Но—каковъ былъ ея ужасъ! — мѣшокъ съ Калуки исчезъ.

Похолодѣвъ, Алейка устала на сукъ, на которомъ только что висѣлъ мѣшокъ.

На суку ничего не было.

Можетъ статься, на деревѣ все-таки были обезьяны? Въ мгновеніе ока молодая дикарка сорвала пучокъ длинной сухой травы, обвила ею ноги и скорѣе взбѣжала, чѣмъ вскарабкалась вверхъ по могучему стволу. Она тутъ же воочію убѣдилась, что вѣтви дерева не были поломаны и не лоснились, какъ обычно бываетъ на излюбленныхъ обезьянами лѣсныхъ гигантахъ. Ни одинъ листокъ не шевелился. Повидимому, на деревѣ не было живого существа.

Алейка стрѣлою соскользнула внизъ и бросилась по тропинкѣ вглубь лѣса, напрягая зрѣніе, слухъ и даже обоняніе.

И вотъ она почуяла вдругъ слабый запахъ растительнаго масла. Вскорѣ затѣмъ на ярко освѣщенномъ солнцемъ поворотѣ тропинки она увидѣла слѣдъ ноги человѣка, который только что пробѣжалъ, оставивъ отпечатокъ пальцевъ на влажной почвѣ.

Сердце дикарки сжалось отъ страха. У нея не осталось ни капли сомнѣнія, что ея дочурку похитилъ

воинъ племени Батанцы. Никто изъ соплеменниковъ самой Алейки никогда не причинилъ бы вреда общей любимицѣ, маленькой Калуки, даже если бы у ея отца-вождя не было новенькаго блестящаго ружья, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Такъ значить Калуки украдена для жертвоприношенія грозному божеству Ю-ю? Осуждена на смерть?

А что, если обратиться за помощью къ самому божеству? Если Алейка принесетъ ему другую искупительную жертву, только какую? Надо было какъ можно скорѣе пообѣщать суровому божеству что-нибудь достойное, а ей ничего не шло на умъ.

— Ю-ю! Верни мнѣ Калуки! — взмолилась Алейка. — Я отдамъ тебѣ... весь медъ, какой только

найду. Три прекрасныхъ душистыхъ сота будутъ сейчасъ твои...

Дикарка распростерлась на землѣ и приникла къ ней губами, чтобы ея лучше разслышалъ великій духъ Ю-ю, сокрытый въ нѣдрахъ земли.

И вдругъ издали донесся слабый крикъ ребенка.

Крикъ замолкъ въ то же мгновеніе, но Алейка уже мчалась какъ стрѣла по тропинкѣ.

Какъ стройная антилопа, неслась она быстрыми прыжками, совершенно не думая объ опасности. Воинъ чужого племени, навѣрное, былъ хорошо вооруженъ, и одной отравленной стрѣлы было достаточно, чтобы заставить перестать биться преисполненное материнской любовью сердце. Но даже призракъ смерти не могъ бы вытѣснить образъ Калуки изъ сердца Алейки.

Она все бѣжала, бѣжала, не зная устали, — весь день. Только разъ или два останавливалась она, бросалась на землю и прислушивалась. Мигъ спустя, она мчалась дальше, не чувствуя ни усталости, ни жажды.

Наконецъ впереди въ лѣсной чашѣ показался просвѣтъ. Какъ разъ въ это время небо покрылось пурпуромъ, а вслѣдъ затѣмъ со сказочной быстротой сгустились сумерки. Послѣдній дневной лучъ отразился на поверхности рѣки, къ берегу которой привела Алейку тропинка. Она подбѣжала къ самой водѣ и уловила чуткимъ ухомъ шорохъ камыша и едва слышный всплескъ весла въ водѣ. Несомнѣнно, похититель увозилъ Калуки на лодкѣ. Онъ, должно быть, чувствовалъ себя въ полной безопасности, потому что на лодкѣ зажегся огонь.

Алейка безстрашно бросилась съ берегового откоса въ воду, пробралась сквозь камыши и устремилась вплавь вслѣдъ за лодкой. Коллеблющееся пламя впереди указывало ей путь, и отсвѣты его озарили берегъ рѣки, на которомъ тамъ и сямъ показывались звѣри, вышедшіе на водопой и пораженные невиданнымъ зрѣлищемъ.

Но вотъ пламя на лодкѣ стало убывать. Казалось, что оно вотъ-вотъ погаснетъ совсѣмъ. Алейка знала однако, что гребецъ сейчасъ же замѣнитъ догорѣвшій факель новымъ. Это была его защита противъ таившихся во тьмѣ ночи леопардовъ и крокодиловъ.

Алейка могла ясно видѣть, какъ ея врагъ въ лодкѣ быстро наматывалъ свѣжую паклю, смоченную въ маслѣ, на палку. Когда онъ со-

брался зажечь новый факель угасающіе языки стараго пламени, молодая дикарка, собравъ всѣ силы, нырнула подъ воду и безшумно появилась на поверхности рѣки у самага челнока. Въ двухъ шагахъ отъ нея виднѣлась курчавая голова дикаря, покончившаго возню съ факелами и взявшагося вновь за широкое и короткое весло.

Онъ сидѣлъ спиною къ кормѣ, на которой, какъ твердо знала Алейка, должна была находиться Калуки вмѣстѣ съ оружіемъ ненавистнаго врага. И Алейка храбро прокладывала себѣ путь въ водѣ, держась у самой кормы челнока, гдѣ легкій всплескъ, производимый ею, заглушался шумомъ струившейся о борта челнока воды. Она съ нетерпѣніемъ ждала момента, когда гребцу снова придется замѣнить факель другимъ. Пламя уже начало убавляться. Скоро оно стало еле виднымъ, и вотъ, сидѣвшій въ лодкѣ отложилъ въ сторону весло и взялъ въ руки новый пучокъ пакли. Въ то мгновеніе, когда наступила почти полная тьма, Алейка ухватилась лѣвой рукою за корму челнока, а правою съ лихорадочной быстротой нащупала лукъ и колчанъ воина. Вотъ уже оружіе въ ея рукахъ. Она неслышно отдѣлилась отъ лодки и къ своей радости убѣдилась, что вода въ этомъ мѣстѣ едва достигала ей до талии. Держа лукъ наизготовѣ, она ждала, чтобы новый факель освѣтилъ своимъ пламенемъ челнокъ и гребца.

Послѣдній словно почуялъ опасность Онъ порывисто обернулся къ кормѣ и хотѣлъ схватить лукъ и стрѣлы. Въ этотъ моментъ факель разгорѣлся, и Алейка спустила стрѣлу. Дикарь вскрикнулъ, вскочилъ на ноги и, едва не опрокинувшись своей тяжестью лодку, повалился за бортъ. Не обращая на него вниманія и предоставивъ его своей судьбѣ, Алейка поспѣшно вскарабкалась въ лодку и бросилась къ кормѣ. Здѣсь изъ мѣшка таращила глазенки на свѣтъ факела маленькая Калуки. Ротъ ея былъ заткнутъ сухими листьями, которые похититель, повидимому, сорвалъ со-

своего пояса. Малютка была такъ измучена, что привѣтствовала свою избавительницу лишь едва слышнымъ пискомъ. Прижавъ къ себѣ одной рукой вновь обрѣтенное сокровище, Алейка другой рукой взялась за весло и погнала челнокъ на середину рѣки.

До самаго утра молодая женщина не рѣшалась приблизиться къ берегу, съ котораго раздавался ревъ леопардовъ.

Но едва забрезжило утро, и яркіе багряные лучи солнца дружно освѣтили вершины деревьевъ, Алейка быстрыми взмахами весла погнала челнокъ къ знакомому ей мѣсту стоянки лодокъ родного племени. Не прошло и часу какъ она выбралась на берегъ и съ дочуркой на рукахъ помчалась къ поселку.

Алейка не забыла обѣщанія, даннаго ею въ минуту отчаянія страшному Ю-ю. Несмотря на усталость, она отправилась снова въ лѣсъ и принесла оттуда брошенные у памятнаго ей дерева соты.

Только послѣ того, какъ она подвѣсила сосудъ съ медомъ къ подножію безобразнаго идола, усталость взяла свое, и Алейка тутъ же въ кумирнѣ заснула крѣпкимъ сномъ.

Перев. Э. Г.

Король спитъ.

Изъ старинныхъ преданій.

Король Адальбертъ былъ молодъ и красивъ собой. Онъ былъ чловѣкъ добрый, простой, веселый и правилъ своимъ королевствомъ не хуже иного опытнаго старика.

Его считали великимъ чародѣемъ... Онъ до прихода министровъ, обыкновенно, зналъ многое изъ того, что дѣлается въ его государствѣ и столицѣ, зналъ, чего желаетъ народъ, къ кому народъ доволенъ и чѣмъ недоволенъ. Иной министръ только что начинаетъ сообщать ему какую-нибудь новость, а король уже перебиваетъ его... „Знаю, знаю!“ говоритъ, и самъ вкратцѣ рассказываетъ, какъ было дѣло. Иногда даже оказывалось, что король зналъ то, что было еще неизвѣстно его министрамъ. Министры, конечно, конфузились, вельможи съ недоумѣніемъ смотрѣли на всевѣдущаго короля, но придворный этикетъ не позволялъ имъ спрашивать: откуда же его королевское

величество все это узналъ?.. А король молчалъ и только весело улыбался.

Молодой Адальбертъ вель жизнь такую же, какую вообще ведутъ короли: утромъ принималъ вельможъ и министровъ съ докладами, работалъ съ ними надъ составленіемъ новыхъ законовъ, подписывалъ указы и разныя грамоты, выслушивалъ просителей, потомъ дѣлалъ смотръ своему войску или посѣщалъ училища, пріюты, больницы; вечера же проводилъ, по большей части, дома, въ кругу придворныхъ, читалъ книгу или игралъ въ шахматы и любилъ иногда послушать хорошую музыку и пѣніе. Изрѣдка онъ ѣздилъ на охоту.

Только одна странность была у молодого короля: рано обѣдалъ... Въ два часа онъ уже вставалъ изъ за стола и съ двухъ до семи часовъ уходилъ отдыхать въ свои покои. Будить короля и вообще тре-

вожить его послѣобѣденный сонъ было строжайше воспрещено.

Если, бывало, въ это время пожалуетъ къ королю какой-нибудь вельможа, или прискачетъ гонецъ изъ дальняго конца королевства, или явится посоль отъ сосѣдняго государя, — всѣмъ имъ гофмаршалъ даетъ вполголоса одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Король спитъ!“ И вотъ всѣ сидятъ втихомолку и ждутъ семи часовъ, когда изъ королевскихъ покоевъ послышится звонокъ; всѣ ходятъ на цыпочкахъ, разговариваютъ шопотомъ, а если кто-нибудь забудется и заговоритъ слишкомъ громко, гофмаршалъ въ ту же минуту останавливаетъ его:

— Тсс! Тише! — говоритъ онъ, грозя рукой. — Король спитъ! ●

И въ это время по всему дворцу, отъ передней до тронной залы, по всѣмъ лѣстницамъ и коридорамъ только и слышно:

— Тише! Король спитъ!

* * *

А король, между тѣмъ, удалившись въ свой кабинетъ, запираетъ дверь на ключъ, снимаетъ съ себя золотую цѣпь съ брилліантами, сбрасываетъ свое великолѣпное королевское одѣяніе — шелкъ и бархатъ, и одѣвался въ костюмъ рабочаго — черную кожаную куртку,

грубые сѣрые штаны и сапоги съ толстыми подошвами, подбитыми гвоздями.

Послѣ того король Адальбертъ уходилъ въ самую дальнюю комнату, откуда никакой шумъ и стукъ не могли доноситься до остальныхъ дворцовыхъ покоевъ. Въ этой комнатѣ стоялъ столярный верстакъ, находились всевозможные рабочіе инструменты, а печка была превращена въ кузнечный горнъ, и передъ ней на желѣзномъ листѣ помещалась небольшая наковальня. Тутъ король то пилилъ, стругалъ доски, дѣлалъ столы, скамьи, табуреты, простые стулья съ прямыми высокими спинками; то разводилъ огонь и принимался ковать подковы, гвозди, крючки, задвижки и всякую всячину, что вздумается. Онъ работалъ, конечно, не изъ-за денегъ и всѣ свои подѣлки раздавалъ даромъ бѣднякамъ.

Король работалъ очень усердно, съ увлеченіемъ, работалъ весело, напѣвая какую-нибудь милую, простодушную народную пѣсенку, случайно подслушанную имъ на улицѣ. Король Адальбертъ былъ человѣкъ здоровый, сильный; онъ чувствовалъ потребность въ такой работѣ и всегда бывалъ радъ, когда ему удавалось часа два повозиться съ кузнечнымъ молотомъ, со стругомъ или топоромъ.

Искры, бывало, такъ и сыплются, золотымъ дождемъ летятъ у него изъ-подъ молота; щеки его краснѣются, потъ выступитъ на лбу и крупными каплями падаетъ ему на руки, на наковальню, падаетъ на раскаленное желѣзо и шипитъ.. И король доволенъ, король счастливъ... Послѣ такой работы онъ всегда чувствуетъ себя нравственно отдохнувшимъ, свѣжимъ и бодрымъ, какъ будто всѣ мелочныя неудовольствія и непріятности того дня, всѣ заботы и кручины онъ сбрасываетъ съ себя вмѣстѣ съ брилліантовой цѣпью и съ пышнымъ королевскимъ одѣяніемъ. Ручная работа въ то же время ему не мѣшала думать о дѣлахъ государственныхъ, и не разъ за этой работой приходили ему въ голову хорошія свѣтлыя мысли

Усталый, но веселый и довольный, король Адалбертъ, наконецъ, оставлялъ работу. Онъ покрывалъ свои темные волосы рыжимъ кудреватымъ парикомъ, надѣвалъ набекрень маленькую черную шапочку, какую, обыкновенно, въ той странѣ носили рабочіе, и, закуривъ коротенькую трубку, выходилъ изъ дворца черезъ потайную дверь. По густой, тѣнистой аллеѣ пробирался онъ, никѣмъ невидимый, въ самый глухой уголокъ дворцоваго сада, а тамъ черезъ маленькую, едва замѣтную калитку выходилъ на улицу и замыкалъ за собою дверь.

* * *

Запустивъ руки въ карманы своей кожаной куртки и держа въ зубахъ трубку, онъ шелъ по улицѣ, беззаботно глазѣя по сторонамъ, какъ настоящій рабочій, возвращающійся со своихъ занятій. Мелкія стружки и опилки, приставшія къ его платью и къ волосамъ его парика, вспотѣвшее лицо, усталая походка, коротенькая трубка во рту, — все, однимъ словомъ, указывало въ немъ на простого рабочаго человѣка. Король, придя на рыночную площадь, смѣшивался съ толпой и прислушивался къ толкамъ.

Такъ, однажды онъ услыхалъ, какъ въ одномъ мѣстѣ говорили о томъ, что купцы стали продавать хлѣбъ слишкомъ дорого; въ другомъ мѣстѣ жаловались на то, что ночная стража плохо справляетъ своё дѣло...

— Вотъ и вчера ночью опять кого-то ограбили! — сказалъ кто-то въ толпѣ.

На другой же день король сдѣлалъ нужныя распоряженія, — и хлѣбъ подешевѣлъ, а ночная стража стала лучше охранять безопасность гражданъ.

Король во время своихъ странствованій по городу заходилъ иногда въ кофейни, въ таверны, спрашивалъ себѣ стаканъ вина или кружку пива, сидѣлъ и слушалъ. И тутъ онъ слышалъ много такого, о чемъ никогда бы не узналъ, сидя въ своемъ дворцѣ. Никто на рабочаго не обращалъ вниманія, и

откровенные разговоры велись при немъ... Такъ, однажды король узналъ, что какой-то сборщикъ податей беретъ взятки и притѣсняетъ бѣдняковъ, а судья въ одномъ городѣ судить неправо...

— Почтенный господинъ! Скажите мнѣ фамиліи этихъ людей! — обратился король къ рассказчику.

Тотъ назвалъ фамиліи. Король смиренно поблагодарилъ его, кивнувъ головой, и продолжалъ попивать свое пиво.

На другой же день, по разслѣдованіи, оказалось, что слухи справедливости; жестокій сборщикъ и неправедный судья были удалены со своихъ должностей.

Иногда король даже вмѣшивался въ уличныя сцены. Такъ, увидавъ, что три взрослыхъ школьника напали на беззащитнаго мальчугана, пробиравшагося по улицѣ со своей маленькой сестренкой, король вступился за обиженныхъ, разогналъ буяновъ, а малютокъ проводилъ до дому.

А то былъ съ королемъ такой забавный случай... Адалбертъ долго смѣялся надъ нимъ...

Возвращаясь домой, онъ увидалъ одинъ разъ грязную, жалкую старуху - торговку, гріютившуюся со своимъ лоткомъ у самой стѣны королевскаго сада. На лоткѣ у нея были разложены стеклянныя бусы,

зеркальца, дешевыя колечки, ленты, пояса и всякая дребедень... Когда король проходил мимо старухи, та, повидимому, была чѣмъ-то разсержена и ужасно бранилась.

— Ему — что! Ему до насъ и дѣла нѣтъ! — ворчала старушка. — Ему во дворцѣ-то хорошо сидѣть да указы писать! Пожилъ бы онъ въ нашей шкурѣ, узналъ бы, каково намъ сладко.

Король остановился передъ торговкой и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на ея маленькое, сморщенное лицо и на ея сердитые, подслѣповатые глазки, тускло мерцавшіе изъ-за прядей растрепанныхъ сѣдыхъ волосъ.

— На кого ты, бабушка, ворчишь? — спросилъ онъ.

— На кого! Да, извѣстно, все на него... на короля! На кого же больше! — съ негодованіемъ прошамкала старуха, тряхнувъ своимъ лоткомъ.

— За что жъ ты, бабушка, сердиться на него? — съ улыбкой спрашиваетъ ее Адальбертъ.

— А вотъ за то... за то самое и сержусь, что онъ больно жаденъ да немилостивъ къ намъ! — съ сердцемъ шамкала старуха. — Что у насъ за торговля, — самъ, молодчикъ, знаешь, — пустое дѣло! Въ иной день на грошъ не продашь, а за торговлю все-таки плати... Развѣ это ладно?

— Да король-то, можетъ-быть, и не знаетъ про ваши дѣла! Вѣдь, дѣлъ-то у него много, я слышала... — замѣтилъ мнимый рабочій.

— Ну, какъ, поди, не знаетъ! — сердито возразила старуха, хмурия свои густыя, нависшія брови. — Про наши-то дѣла да не знаетъ!.. На что же онъ и король!.. Ужъ нечего, голубчикъ, заступаться-то за него! А ты, молодчикъ, ежели хочешь покупать, то покупай... А проклажаться тутъ нечего...

Король выбралъ одинъ поясокъ, далъ за него червонецъ и отошелъ отъ старухи. Торговка съ изумленіемъ вытаращила глаза на золотую монету и потомъ весело тряхнула головой.

— О-го-го! — въ восторгѣ загоготала она вслѣдъ королю. — Вишь ты! Видно, разбогатѣлъ, малый!..

Вскорѣ послѣ того вышелъ указъ, чтобы со старыхъ уличныхъ торговцевъ и торговковъ за торговлю платы не брать.

* * *

Возвратившись домой изъ своихъ странствованій, король Адальбертъ проходилъ въ ту комнату, гдѣ былъ устроенъ зимній садъ. Здѣсь росли тропическія деревья, цвѣли розы и жасмины; по кустамъ и по деревьямъ порхали маленькія, красивыя птички. Здѣсь же въ великой дружбѣ жили три щенка и его любимая обезьяна Мико. Тутъ король совсѣмъ позабывалъ, что онъ взрослый человѣкъ, правитель государства, и, какъ дитя малое, возился со щенками.

А тамъ, между тѣмъ, въ приемныхъ комнатахъ — отъ передней и до тронной залы, по лѣстницамъ и коридорамъ, по всему дворцу — поминутно слышались восклицанія вполголоса:

— Тсс! Тише! Король спитъ!

* * *

Когда же часовая стрѣлка приближалась къ семи, король прощался со своими любимцами и уходилъ въ свой кабинетъ. Здѣсь онъ торопливо сбрасывалъ рабочій костюмъ, запиралъ его въ потайной шкафъ, облекался въ свои королевскія одежды и опять, какъ узникъ, надѣвалъ на себя золотую цѣпь съ брилліантами... Затѣмъ онъ потихоньку отмыкалъ дверь, садился въ кресло и давалъ звонокъ.

Моментально являлся въ комнату его сѣдовласый камердинеръ.

— Хорошо ли изволили почивать, ваше королевское величество? — почтительно освѣдомлялся старикъ.

— Спалъ отлично! — съ довольной, веселой улыбкой говорилъ король, проводя рукой по лицу, какъ бы отгоняя отъ себя послѣдніе остатки пріятныхъ сновъ.

И, дѣйствительно, послѣ ручной работы, послѣ своихъ странствованій по городскимъ улицамъ и пло-

стыми людьми изъ народа и послѣ шумныхъ, веселыхъ игръ со щенками и съ Мико, король, какъ послѣ крѣпкаго здороваго сна, чувствовалъ себя освѣженнымъ и опять готовымъ заниматься государственными дѣлами...

— Ну, а тамъ что? Ждутъ меня? — спрашивалъ король, кивнувъ головой на дверь пріемной залы.

— Ждутъ, государь! — отвѣчалъ старикъ.

— Ступай же, скажи, что я иду!

Камердинеръ немедленно удалялся, а король Адальбертъ въ то время не однажды думалъ про себя: „Если бы не эти пять часовъ отдыха, я, право, не могъ бы царствовать и былъ бы не въ силахъ ни одного дня прожить королемъ“.

Перев. З. П.

Танцующая рука.

Изъ путешествій капитана Кука.

11 марта 1774 года корабль капитана Кука шелъ мимо острова Пасхи. Островъ этотъ невеликъ — насчитывалось на немъ не болѣе 700 жителей — кромѣ того, не представлялъ онъ большого интереса и для моряковъ, такъ какъ на немъ не было ни деревьевъ для топлива, ни прѣсной воды. Нѣсколько убогихъ хижинъ, которыя виднѣлись тамъ и здѣсь, были малы и низки.

Капитанъ Кукъ колебался, — приставать ли ему къ этому маленькому островку, какъ вдругъ сигналы одного изъ индѣйцевъ привлекли его вниманіе и заставили измѣнить прежнее намѣреніе. Этотъ индѣецъ, размахивая руками, бросился въ воду и вплавъ пустился къ судну. Тотчасъ-же навстрѣчу ему спустили шлюпку; дикарь, не долго думая, рѣшительно влѣзъ въ нее и жести старался объяснить матросамъ, что ему холодно. Тогда на него накинули куртку и закутали его, а на голову одѣли фуражку. И вотъ уже черезъ нѣсколько минутъ былъ онъ на борту корабля. Объясниться съ нимъ было легко, такъ какъ языкъ его былъ понятенъ многимъ матросамъ.

Встрѣтилъ его капитанъ очень радушно, предложилъ ему въ подарокъ гвозди и бусы изъ стекляшекъ, а дикарь, счастливый и довольный, въ знакъ благодарности, пустился въ дикую пляску. Затѣмъ онъ попросилъ разрѣшенія переносить

на корабль. Капитанъ согласился, и его устроили въ одной изъ самыхъ лучшихъ кюютъ; и уже черезъ нѣсколько минутъ, свернувшись калачикомъ на столѣ, спалъ онъ глубокимъ сномъ. А на слѣдующее утро индѣецъ, имя котораго было Тонги, (по его словамъ, онъ былъ главнымъ вождемъ на Пасхѣ) предложилъ капитану устроить обмѣнъ товаровъ: взамѣнъ гвоздей, матеріи, зеркалъ, обѣщалъ онъ овощи, фрукты и сахарный тростникъ. Капитанъ согласился и отправилъ на островъ шлюпку, нагруженную всевозможнымъ товаромъ. Навстрѣчу матросамъ высыпало до 50 дикарей; шумъ и гамъ поднялся невообразимый. И тутъ-то бѣдные матросы жестоко поплались: далеко не въ ихъ пользу былъ совершенъ обмѣнъ. И въ Новой Зеландіи воровство не считалось большимъ зломъ, ну, а на островѣ Пасхи достигло оно наивысшаго совершенства. Не только карманы матросовъ были опустошены, но дикари ухитрились по нѣскольку разъ продавать одинъ и тотъ же товаръ.

Когда начисто ограбленные матросы вернулись на корабль, команда подняла ихъ на смѣхъ. Особенно издѣвался и глумился Джемсъ Шиллингъ, считавшій себя самымъ хитрымъ и осторожнымъ изъ всего экипажа.

— Ну, меня они бы не одурачили! — воскликнулъ онъ хвастливо

и тут же, не долго думая, захвативъ съ собою побольше гвоздей, вскочилъ въ шлюпку и черезъ четверть часа достигъ берега.

Жестами и словами объяснилъ онъ Тонги, что на этотъ разъ при обмѣнѣ долженъ присутствовать только одинъ покупатель, вся же толпа глазбьющихъ индѣйцевъ должна держаться на разстояніи. Тонги понимаетъ, Тонги улыбается и посылаетъ своихъ дѣтей — Киди и Нару — за лучшими фруктами.

У индѣйца Тонги было два сына — Вагоа и Киди — и одна дочка Нара. Старшій, Вагоа, почти никогда не покидалъ своей хижины, тогда какъ младшіе вѣчно бѣгали и рѣзвились по всему острову. Ихъ руки были такъ же ловки, какъ и ноги; и въ ловкости, съ какой они опустошали карманы и тащили вещи передъ самымъ носомъ матросовъ, могли они посперничать съ любымъ изъ взрослыхъ индѣйцевъ острова Пасхи.

Киди лѣтъ 16, а Нарѣ — 14. Оба они были ужасно смѣшные и забавные съ ихъ плоскими носами, съ толстыми губами, съ черными курчавыми волосами, съ темными глазами, но больше всего поражали ихъ уши, которыя свѣшивались до самыхъ плечъ. Длинные уши въ модѣ на островѣ Пасхѣ, и чтобы ихъ удлинить, дѣтямъ протыкаютъ дырки и въ отверстіе ушей просовываютъ свернутые въ трубочку листья сахарнаго тростника.

Спустя нѣсколько минутъ, дѣти принесли двѣ большія корзины, наполненныя дивными плодами. Корзины эти они поставили передъ матросомъ и затѣмъ готчасъ же исчезли, прыгая и кривляясь, какъ обезьяны. Матросъ Шиллингъ и индѣецъ Тонги остались вдвоемъ. Изъ предосторожности матросъ поставилъ корзинки позади себя. Долго торговались; наконецъ обмѣнъ совершенъ, и вотъ Шиллингъ оборачивается, чтобы забрать фрукты, и, о ужась, — корзины нѣтъ, корзины безслѣдно исчезли. Напрасно искалъ онъ ихъ глазами: Киди и Нара незлышно подкрались сзади и, завладѣвъ драгоцѣнной корзиной, давно успѣли скрыться.

Матросъ возвратился на корабль съ пустыми руками, но о своей неудачѣ онъ умолчалъ; командѣ же объяснилъ свое возвращеніе желаніемъ захватить еще кусокъ матеріи, которая якобы нужна ему для болѣе выгоднаго обмѣна. И подѣ предлогомъ внушенія уваженія покупателямъ, онъ захватилъ съ собою четырехъ вооруженныхъ матросовъ.

Вотъ морякъ снова на злополучномъ островѣ. Тонги встрѣчаетъ его съ беззаботной улыбкой, какъ будто ничего и не случилось. А при видѣ куска матеріи онъ готовъ на новый обмѣнъ. Но Джемсъ Шиллингъ — хорошій игрокъ: онъ даже находитъ въ себѣ силы улыбнуться, и, глядя на него, никто не подумалъ бы, что онъ только что былъ жертвой обмана. Онъ разостлалъ кусокъ матеріи передъ дикаремъ и просилъ взамѣнъ его дать ему корзину, наполненную бананами; но только не маленькую корзину, а большую, широкую и глубокую. Онъ даже объясняетъ Тонги, что эти 4 матроса — его носильщики. Индѣецъ охотно соглашается и, удалившись на нѣкоторое время, возвращается тоже съ 4-мя дикарями, которые несутъ огромную корзину, наполненную до самыхъ краевъ дивными спѣлыми фруктами. На этотъ разъ Шиллингъ рѣшилъ окончательно перехитрить индѣйца: онъ приказалъ носильщикамъ снести ихъ ношу прямо на шлюпку. Только

послѣ того, какъ корзина была въ безопасности, матросъ отдаетъ Тонги матерію. Шиллингъ счастливъ, Шиллингъ гордъ. Не менѣе его доволенъ и Тонги. Итакъ, на этотъ разъ всѣ остались довольны, только, увы, радость Шиллинга была не очень продолжительной: едва началъ онъ разбирать корзину, какъ обнаружилъ новый обманъ. Оказывается, только сверху въ корзину лежали бананы, — подъ ними же были... камни и только камни. Не стерпѣвъ насмѣшекъ матросовъ, Шиллингъ рѣшилъ проучить обманщика. Капитанъ Кукъ согласился сопровождать его на островъ, съ тѣмъ, чтобы самому пристыдить воришку. Но, какъ всегда, онъ предпочелъ ласку жестокости и наказанію. Достигнувъ острова, онъ приказалъ матросамъ остаться на берегу, самъ же, въ сопровожденіи Шиллинга, направился къ жилищамъ индѣйцевъ. Но... Тонги съ дѣтьми исчезъ.

— Я знаю, гдѣ онъ живетъ, — сказалъ матросъ.

— Ну, что-же, тогда идемъ! — рѣшилъ капитанъ.

И оба они направились къ маленькому лѣсочку, вблизи котораго было разбросано нѣсколько убогихъ хижинъ, окруженныхъ длинными стеблями сахарнаго тростника. Жители острова слѣдовали за ними по пятамъ. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены длинными пиками. Но никто изъ нихъ не обнаруживалъ дурныхъ намѣреній, напротивъ, всѣ они, безъ исключенія, были настроены миролюбиво.

Хижина Тонги размѣрами была больше другихъ жилищъ и состояла изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ можно было даже стоять, а это было, уже почти роскошью для острова Пасхи. Дикарь, при появленіи неожиданныхъ гостей, скрылся, а за нимъ послѣдовали и двое его младшихъ дѣтей; въ домѣ остался одинъ только старшій сынъ Тонги — Вагоа. Войдя въ хижину, оба европейца не могли удержаться отъ восклицанія удивленія и восхищенія: дикарь вырѣзывалъ изъ дерева статуэтку, при чемъ дѣлалъ это съ

необычайнымъ мастерствомъ и ловкостью; рядомъ съ нимъ, на широкой доскѣ, были разставлены и другія статуэткі. Дерево, изъ котораго онъ ихъ вырѣзывалъ, было тщательно отполировано, и вся работа обнаруживала настоящаго артиста. А кромѣ того былъ онъ и умнымъ малымъ, такъ какъ тотчасъ же смекнулъ, зачѣмъ пожаловали къ нему иностранцы. Онъ улыбнулся и своей улыбкой хотѣлъ какъ будто сказать, что въ сущности въ воровствѣ отца нѣтъ ничего дурного и постыднаго, и что на ихъ островѣ воровство не считается преступленіемъ; но при видѣ гнѣва и негодованія матроса онъ всталъ и немедленно направился къ сундучку,

гдѣ были разложены у него въ образцовомъ порядкѣ статуэткі.

Съ большими предосторожностями вынулъ онъ одну изъ нихъ и поднесъ ее капитану, какъ бы награждая его за понесенные имъ убытки. Капитанъ Кукъ и даже Шиллингъ, который не былъ большимъ знаткомъ искусства, были поражены и не могли скрыть своего удивленія, когда рассмотрѣли подарокъ дикаря. Этотъ кусокъ дерева изображалъ руку въ настоящую величину, — руку танцующей женщины съ остро-

ва Таити. Ногти и точеные пальцы были сдѣланы артистически. Капитанъ Кукъ былъ въ восторгѣ отъ подарка дикаря и заявилъ матросамъ, что на этотъ разъ не ихъ обокрали, а совсѣмъ наоборотъ.

— Ну, положимъ, — отвѣтилъ Шиллингъ, — этотъ кусокъ дерева не имѣетъ большой цѣнности для дикаря. Вѣдь онъ можетъ выточить себѣ много такихъ же точно вещицъ.

— Да, конечно, — замѣтилъ капитанъ, — но врядъ-ли всѣ его произведенія искусства будутъ такъ

же удачны, какъ эта рука. Во всякомъ случаѣ, ты сдѣлалъ цѣнную находку, такъ какъ открылъ, что жители о. Пасхи имѣютъ опредѣленный вкусъ и способности къ скульптурѣ. Эта рука — точное воспроизведение руки танцующей женщины.

Капитанъ Кукъ при возвращеніи въ Лондонъ помѣстилъ эту руку въ музей, и до сихъ поръ покоится она тамъ и восхищаетъ любителей искусства.

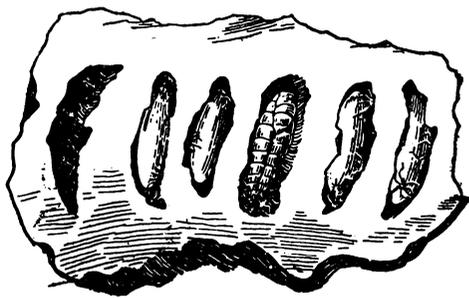
Перев. Е. Н. Г.

Насѣкомыя - каменщики.

Въ пустынныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ строительныхъ матеріаловъ, туземцы строятъ дома исключительно изъ грязи или глины, быстро твердѣющей на солнцѣ. Многія животныя поступаютъ точно такъ же: одни строятъ свои жилища изъ сыроватой земли и помѣщаютъ ихъ подъ прикрытіями; другія берутъ мелкую пыль, смѣшиваютъ ее со своей слюной и изъ этой массы производятъ искусныя постройки, приобретающія крѣпость камня. Нѣкоторыя, закончивъ работу, покрываютъ внутри и снаружи свое жилье особой жидкостью, выходящей изъ ихъ слюнныхъ железъ и похожей на лакъ, или же вкрапляютъ въ свои постройки песчинки гравія (мелкіе камешки). Такія жилища чрезвычайно прочны и непроницаемы для воды.

На югѣ Франціи есть перепончатокрылыя насѣкомыя — пелопеи. Они очень зябки и выскиваютъ для постройки гнѣздъ своему потомству наиболѣе теплыя мѣста. Они гнѣздятся на карнизахъ, въ сараяхъ, овинахъ и внутри крестьянскихъ домовъ. Тамъ имъ все пригодно: стѣны, потолоки, окна, занавѣски. Но французскія хозяйки не очень то жалуютъ этихъ непрошенныхъ гостей.

Ученый Фабръ рассказываетъ, что однажды пелопеи свили гнѣзда въ шапкахъ и блузахъ рабочихъ, пока тѣ, снявъ ихъ, обѣдали. Но

Разрѣзъ гнѣзда пелопея.

самое любимое мѣсто пелопея, это — деревенскія трубы. Можно удивляться, какъ эти насѣкомыя тамъ не изжарятся, или не задохнутся отъ дыма. Пелопеи могутъ жить при очень большомъ жарѣ. Фабръ видѣлъ гнѣзда пелопеевъ, построенныя надъ котломъ, гдѣ температура была 49°.

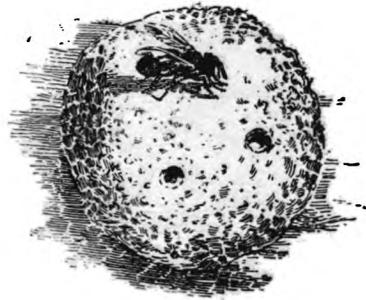
Пелопеи строятъ свои гнѣзда въ разные времена года. Для этой цѣли они выскиваютъ въ окрестностяхъ растворенную, грязную почву. Интересно видѣть, какъ они стараются не запачкаться. Съ дрожжащими крылышками, высоко приподнявъ лапки и черное брюшко на желтой ножкѣ, они скребутъ кончиками челюстей и выбираютъ лучшее со сверкающей поверхности грязи. Заботливая хозяйка, подобравшая платъ, чтобы не запачкаться, не могла бы аккуратнѣе дѣлать работу,

такъ опасную для чистоты костюма. На этихъ собирателяхъ грязи нѣтъ, кажется, ни пятнышка, — такъ стараются они по-своему подобраться, т.-е. держать на разстояніи все тѣло, кромѣ кончика лапокъ и инструмента для сбора — кончика своихъ челюстей. Такимъ образомъ пелопей собираютъ шарики влажной земли, величиной съ горошину. Поддерживая ихъ челюстями и лапками, они улетаютъ и уносятъ ихъ на избранныя мѣста. Не смѣшивая со слюной, пелопей обдѣлываетъ такой шарикъ земли начерно сильными ударами лапокъ и прилѣпляетъ его къ начатой работѣ. Сначала онъ дѣлаетъ яйцевидную ячейку, полую внутри. Внутренняя ея стѣнка ровная и гладкая; наружная — шероховатая. Рядомъ съ этой ячейкой пелопей дѣлаетъ вторую, третью и такъ дальше — все на одномъ уровнѣ. Часто надъ этимъ рядомъ выводится второй и даже третій. Внутри каждой ячейки пелопей кладетъ яичко и нѣсколько пауковъ, умерщвленныхъ жаломъ, и послѣ залѣпляетъ ее. Когда постройка ячейекъ окончена, пелопей покрываетъ ихъ толстымъ слоемъ грязи, такъ что гнѣздо издали бываетъ похоже на комокъ глины, прилѣпленной къ стѣнѣ.

Стѣнные пчелы вполнѣ заслуживаютъ названіе пчелъ-каменщицъ, которое далъ имъ Реомюръ. Онѣ строятъ изъ настоящаго цемента такія прочныя жилища, что ихъ можно разрушить только при помощи желѣзныхъ инструментовъ. Ихъ гнѣзда помѣщаются на камняхъ или на стѣнахъ, обращенныхъ къ югу. Они похожи на комочки грязи, отброшенные колесами телѣга или лошадиными копытами. Маленькія каменщицы стараются какъ можно прочнѣе укрѣпить свои гнѣзда и пристраиваютъ ихъ обыкновенно въ углахъ притолокъ, карнизовъ и рамъ.

Стѣнные пчелы употребляютъ для построекъ глинистоизвестковую землю, смѣшанную съ пескомъ; онѣ разводятъ ее своей слюной. Смѣсь эта быстро твердѣетъ и бываетъ похожа на цементъ.

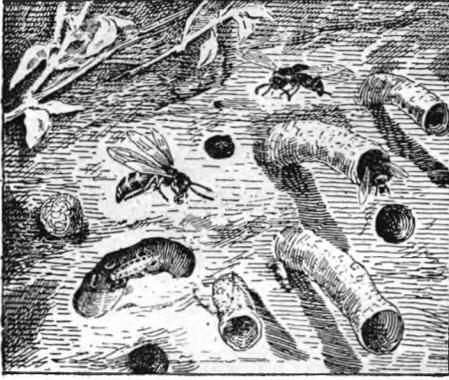
Самки стѣнныхъ пчелъ очень кра-

Стѣнная пчела и ея гнѣздо.

сивы: тѣло ихъ чернаго, бархатистаго цвѣта, крылышки — темно-фіолетовыя. Самцы же точно одѣты въ ярко-красный бархатъ. Гнѣздо строятъ только однѣ самки. Притаившись въ сухомъ мѣстѣ, онѣ дѣлаютъ цементъ, скатывая изъ него шарики съ дробинку. Эти шарики онѣ несутъ въ челюстяхъ къ мѣсту постройки; здѣсь прилѣпляютъ ихъ вѣнчиками и вкладываютъ въ массу по временамъ песчинки съ неравными углами. Наружная стѣна гнѣзда бываетъ похожа на деревянную кладку съ выступающими камнями (у насъ можно видѣть такія постройки), внутри же она ровная и гладко покрыта цементомъ.

Не мало трудятся насѣкомыя надъ своимъ гнѣздомъ. Они приносятъ дробинку за дробинкой, прилѣпляютъ и выводятъ стѣнки, такъ что образуется постройка въ родѣ опрокинутаго наперстка. Затѣмъ пчела отправляется за пищей для будущиxъ дѣтей. Она озабоченно бѣгаетъ между цвѣтами и, найдя „дрокъ“, заползаетъ въ его хорошенькую чашечку; черезъ 3-4 минуты она появляется оттуда, покрытая цвѣточной пылью и съ запасомъ меда во рту. Она складываетъ медъ въ гнѣздо, стряхиваетъ туда же пыль и дѣлаетъ изъ нихъ кашку для дѣтокъ. Когда одна ячейка готова и наполнена, пчелка кладетъ туда яйцо, придѣлываетъ къ своему наперстку крышку и закрываетъ его. Около первой ячейки-наперстка дѣлается вторая, потомъ третья и такъ далѣе. Сдѣлавъ гнѣздо размѣромъ и формой въ полъ-апельсина, насѣкомыя обмазываютъ его сверху це-

Стѣнные осы и ихъ гнѣзда.

ментомъ, чтобы защитить отъ жары и непогоды. Тамъ развиваются и растутъ дѣти стѣнной пчелы, и много еще ей будетъ съ ними заботъ. Но она ихъ любитъ и не боится труда!

Стѣнные осы, или одинеры, устраиваютъ гнѣзда еще любопытнѣе. Эти насѣкомыя — каменщики и въ то же время землекопы. На склонахъ горъ и пригорковъ они вырываютъ себѣ гнѣзда въ видѣ небольшихъ ямокъ и къ нимъ придѣлываютъ изогнутую трубку, отверстиемъ

книзу. Трубка эта длиною — въ дюймъ, а шириною — около 5 линий. Она сдѣлана изъ неплотно прилегающей земли и прозрачна, какъ кружево. Трубка эта ведетъ коридоръ, вырытый по склону, на глубинѣ сантиметра; отъ коридора идутъ въ разныя стороны каналы и небольшія норки. Въ эти норки осы кладутъ яички, каналы наполняютъ провизіей, а все остальное пространство онѣ закладываютъ землей. Для этого и служитъ имъ трубка. Мать-оса знаетъ, какое мѣсто нужно для ея личинки и оставляетъ такую норку. Все остальное мѣсто она закрываетъ и засыпаетъ всѣ каналы пескомъ. Для того, чтобы матеріалъ былъ у нея готовъ, она и построила трубку. Когда яйца и пища уложены, осы подгрызаютъ смоченными ими края трубокъ, дѣлаютъ изъ нихъ шарики и быстро уносятъ внутрь. Работа кипитъ. Такъ дѣлаютъ онѣ до тѣхъ поръ, пока не закроютъ своихъ гнѣздъ. Трубки одинеровъ служатъ работницамъ только временно, а потомъ онѣ имъ уже не нужны.

Мячь-рыба.

Среди обитателей морскихъ глубинъ встрѣчаются диковинныя созданія, поражающія своими формами.

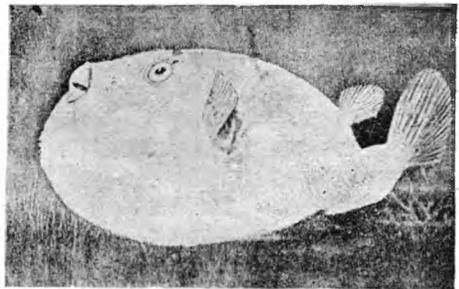
Къ такимъ диковинкамъ можно отнести оригинальную рыбу, изображенную на нашихъ рисункахъ.

Это такъ называемая мячь-рыба изъ семейства скалозубовыхъ (gупподонте), широко распространеннаго подъ тропиками и въ умѣренномъ тепломъ поясѣ.

Почти всѣ представители семейства скалозубовыхъ защищены отъ хищниковъ игольчатымъ панциремъ, иглы котораго топорщатся, какъ у ежа, въ виду угрожающей опасности.

Мячь-рыба при нападеніи врага, кромѣ того, надувается, какъ шаръ, благодаря чему всплываетъ на по-

верхность воды и опрокидывается брюшкомъ кверху. Мячу-рыбѣ это необходимо, такъ какъ брюшко ея незащищено иглами и представляетъ собою наиболѣе уязвимое мѣсто въ ея тѣлѣ. Отдавшисъ на волю волнъ, мячь-рыба носится по по-

Мячь-рыба (сбоку).

верхности до тѣхъ поръ, пока врагу ея не наскучатъ безплодные попытки овладѣть колючей добычей. Убѣдившись, что хищникъ оставилъ ее въ покоѣ, мячъ-рыба отрыгаетъ проглоченный воздухъ и погружается на дно.

Пойманная и вытащенная изъ воды, мячъ-рыба издаетъ странные булькающіе звуки, потомъ топорщить иглы и раздувается до послѣдней возможности. Умеревъ, она такъ и остается надутой, какъ мячъ.

Въ такомъ видѣ особенно рѣзко бросаются въ глаза четыре зуба, выдающіеся изо рта мяча-рыбы, какъ клювъ попугая. Зубы эти не что иное, какъ удлиненія челюстей, покрытыя эмалью, напоминающей слоновую кость. Зубы служатъ мячу-рыбѣ какъ для цѣлей питанія, такъ и самозащиты. Челюсти мяча-рыбы очень сильны, и своими оригинальными зубами она легко перекусываетъ мѣдную проволоку рыболовныхъ снастей.

Нѣкоторые виды мяча-рыбы выбрасываютъ изъ брюшной полости клейкую жидкость красиваго карминно-краснаго цвѣта. Жидкость хорошо окрашиваетъ бумагу и слоновую кость. Ради этого красящаго вещества туземцы ловятъ мячъ-рыбу, примѣняя приманку изъ рачьяго мяса.

Къ числу наиболѣе извѣстныхъ видовъ мяча-рыбы принадлежитъ очень пестро окрашенная „фахака“. Рыба эта временами поднимается

Мячъ-рыба (видъ спереди .

вверхъ по Нилу и послѣ спада водъ остается на сушѣ среди ила и тины.

Дѣти арабовъ играютъ мертвыми экземплярами этой рыбы, какъ мячами. На берегахъ Нила нерѣдко можно видѣть темнокожихъ нагихъ мальчугановъ, играющихъ въ футболъ крѣпкими экземплярами мяча-рыбы Иглы, конечно, срѣзаются передъ игрой.

Мясо мяча-рыбы вкусно, но очень часто ядовито. Это зависитъ отъ рода пищи, поглощаемой рыбой.

Л. С.

Преданія о Царѣ Петрѣ.

Среди великихъ русскихъ государей особнякомъ стоитъ Петрѣ Великій, Преобразователь Россіи, указавшій ей путь къ европейской культурѣ.

Всю свою жизнь трудившійся, какъ простой работникъ, личнымъ неустаннымъ трудомъ подававшій примѣръ окружающимъ, царь Петрѣ особенно близкимъ сталъ народу, видѣвшему въ немъ не только недосыгаемаго Государя Россіи, но и простого сердечнаго человѣка, любившаго народъ и дѣлившаго съ нимъ его трудовую ношу.

Поэтому неудивительно, что въ народѣ сохранилось много преданій и рассказовъ о Петрѣ Великомъ, и особенно на сѣверѣ Россіи, въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской, гдѣ протекала часть неутомимой дѣятельности Великаго Императора.

Приводимъ нѣсколько такихъ рассказовъ.

I.

Какъ у царя Петра камзолъ украли.

Въ Олонецкой губерніи, недалеко отъ впаденія рѣки Вытегры въ Онежское озеро, лежитъ уѣздный городъ Вытегра. Этотъ городокъ, хотя и небольшой, имѣетъ однако же значеніе въ торговомъ отношеніи, такъ какъ лежитъ на Маринскомъ водномъ пути, идущемъ съ Волги къ Петербургу. Еще царь Петрѣ замышлялъ устроить каналъ между рѣками Вытегрой и Ковжей, текущей въ Бѣлое озеро, но исполненіе этого плана совершилось только въ царствованіе императо-

ра Павла, благодаря отпуску потребной для устройства канала суммы изъ капиталовъ Воспитательнаго дома.

Какъ-то разъ пріѣхалъ въ Вытегру царь Петрѣ; осматривая окрестности города, онъ зашелъ отдохнуть на такъ называемую Бесѣдную гору (близъ города). Время было очень жаркое, лѣтнее: царь скинулъ камзолъ и положилъ его тутъ же, на травѣ. Пришло время снова идти въ городъ; смотритъ царь, а камзола его нѣтъ, какъ нѣтъ. Камзолъ былъ хорошій, а вытегорцы — непромахъ: пользуясь тѣмъ, что царь задремалъ отъ усталости, они стянули съ него одежду, и царскій камзолъ какъ въ воду канулъ.

Послѣ того всѣ сосѣдніе жители прозвали вытегорцевъ ворами. «Вытегорцы — воры, камзолъ цари Петра украли!» Преданіе прибавляетъ, что царь Петрѣ, не найдя камзола, усмѣхнулся и сказалъ:

— Самъ виноватъ! Надо было не камзолъ, а простой азямъ одѣть.

Однако вытегорцы увѣряли, что никакого камзола у царя не воровали, а достался тотъ камзолъ отъ царя какому-то Гришкѣ, который выпросилъ его у самого государя себѣ на шапки!

II.

Какъ царь Петрѣ похвалилъ сельскаго батюшку.

На сѣверѣ Олонецкой губерніи, при рѣкѣ Повѣничанкѣ, близъ впаденія ея въ Онежское озеро, лежитъ небольшой городокъ Повѣ-

нецъ, о которомъ народъ отзывается такъ: «Городъ Повѣнецъ — всему міру конецъ!» О царѣ Петрѣ въ этомъ отдаленномъ городкѣ сохранилось такое преданіе.

Въ царствованіе Петра Великаго Повѣнецъ былъ простымъ селомъ, принадлежавшимъ Вяжицкому монастырю. Однажды государь съ небольшой флотиліей плылъ по сѣверной части Онежскаго озера, какъ разъ близъ впаденія въ него рѣки Повѣнчанки. Не успѣли суда пройти небольшой островъ, лежащій въ одной верстѣ отъ нынѣшняго города, какъ вдругъ поднялась буря,

Петръ Великій.

и началось страшное волненіе на озерѣ. Царская флотилія была принуждена повернуть отъ острова назадъ и пристать къ берегу; съ тѣхъ поръ этотъ островъ сталъ называться «Воротный».

Тутъ, на берегу, гдѣ пристали суда, была церковь въ честь св. Апостоловъ Петра и Павла. Священникъ встѣпилъ царя, какъ подобаетъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. Государь приложился ко кресту и спросилъ мнѣніе священника о томъ, можетъ ли онъ при такой погодѣ плыть на судахъ по озеру.

Священникъ долго смотрѣлъ на небо и сказалъ:

— На карбасѣ я могу ѣхать, а тебѣ, государь, на твоихъ судахъ невозможно; ты и суда растеряешь, и людей погубишь безъ всякой пользы.

Разсердился царь и захотѣлъ поставить на своемъ. Онъ вернулся на суда и приказалъ отплыть отъ берега; священникъ остался на берегу и, благословляя царя, сказалъ ему:

— А я тебя, государь, подожду и до твоего возвращенія не начну литургіи.

Дошли царскія суда до острова Воротнаго, но тутъ начало ихъ такъ сильно бить и швырять волнами, что царь приказалъ снова вернуться назадъ въ село.

Такъ оправдались слова священника.

Царь простоялъ обѣдню и, подойдя ко кресту послѣ богослуженія, сказалъ съ усмѣшкой:

— Ну, отецъ, не попомъ бы тебѣ быть, а матросомъ! Спасибо тебѣ за науку!

III.

Какъ царь Петръ задалъ соломенный балъ.

Въ первое время своего царствованія Петръ Великій нерѣдко бывалъ на сѣверѣ Россіи. Онъ особенно любилъ Архангельскъ и его жителей, которые всегда встрѣчали его восторженно. Въ каждый свой пріѣздъ царь устраивалъ пиръ для народа и для иностранныхъ купцовъ, ремесленниковъ и матросовъ иностранныхъ кораблей, которые въ то время въ большомъ количествѣ посѣщали архангельскій портъ.

Въ одно изъ посѣщеній царемъ Архангельска, въ гавани города собралось такъ много иностранныхъ кораблей съ огромнымъ числомъ экипажа, что устроить пиршество и для иностранныхъ гостей, и для жителей города на городской площади оказалось невозможнымъ: на площади не хватило бы мѣста и для обѣденныхъ столовъ, и для божекъ съ водкой и пивомъ, и вовсе

не было простора для народнаго разгула, для пѣсенниковъ и танцующихъ.

Осмотрѣвъ окрестности, царь выбралъ для устройства пира окраину города и приказалъ устроить здѣсь длинные столы изъ соломенныхъ сноповъ, покрывъ ихъ досками. На такихъ столахъ были разставлены кушанья, водка, пиво, медъ и т. п.; вокругъ столовъ были сооружены качели и балаганы, а для танцевъ было отгорожено значительное пространство. Этотъ балъ царь Петръ шутя называлъ соломеннымъ баломъ и много смѣялся надъ своей удачною выдумкой.

Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ возникло какъ бы предмѣстье города, названное Соломбалой въ честь царскаго соломеннаго бала, о которомъ долго-долго между жителями Архангельска ходили различные разсказы.

IV.

Какъ царь Петръ гнулъ подковы.

Тула еще въ прежнія времена славилась кузнецами и слесарями; изъ числа ихъ нѣкто Никита Демидовъ выдѣлялся опытностью и знаніемъ слесарнаго и кузнечнаго дѣла. Онъ учился мастерству у иностранныхъ мастеровъ въ своемъ родномъ городѣ и въ Москвѣ и наконецъ открылъ свое собственное заведеніе, въ которомъ сталъ готовить подковы, а въ казну сталъ поставлять ружья. Несмотря на то, что самъ былъ хозяиномъ, Никита, какъ простой рабочій, трудился въ своей мастерской.

Слухъ о способностяхъ Демидова, о его слесарномъ искусствѣ, трудолюбіи, честности и аккуратности дошелъ и до царя Петра. Однажды, говорить преданіе, государь, проѣзжая изъ Москвы въ Воронежъ на тамошнія верфи, остановился въ Тулѣ и посѣтилъ мастерскую Никиты Демидова. Онъ засталъ его у наковальни; блестящія новенькія подковы, искусно едѣланныя самимъ хозяиномъ, лежали на полкахъ мастерской, а Ни-

кита, отирая потъ и распѣвая пѣсни, дѣлалъ стволъ ружья. Государь полюбовался работою мастера, похвалилъ его и въ знакъ пріязни похлопалъ его по плечу, а потомъ, желая подшутить надъ нимъ, согнулъ нѣсколько подковъ и бросилъ ихъ въ сторону, говоря: «Не годятся!». Царю, обладавшему, какъ извѣстно, большою силою, ничего не стоило погнуть новыя подковы.

Чтобы вознагражить мастера за причиненный ему убытокъ, государь далъ ему ссеребряный рубль. Никита усмѣхнулся; обладая, подобно царю, большою силою и

Петръ Великій въ дѣтствѣ.

чрезвычайно крѣпкими мускулами, онъ легко согнулъ рубль, прибавивъ при этомъ: «Этотъ рубль не годится». Такъ поступилъ онъ съ другимъ и съ третьимъ рублями, которые подавалъ ему царь, смѣявшійся отъ души. Наконецъ Петръ далъ ему гривенникъ, и его, какъ монету небольшого размѣра, Никита не могъ уже согнуть.

Царь Петръ полюбилъ Демидова, далъ ему средства расширить слесарное производство, а потомъ назначилъ его главнымъ мастеромъ во вновь основанный оружейный заводъ. Въ 1702 году Петръ подарилъ Демидову земли по р. Невѣ

(въ Пермской губерніи), гдѣ и возникли извѣстные Невьянскіе заводы. Въ грамотѣ, данной по этому случаю Никитѣ, онъ впервые названъ Демидовымъ.

V.

Какъ царь Петръ переливалъ колокола въ пушки.

Соловецкій монастырь, основанный въ 1420 году, лежитъ на одномъ изъ острововъ Соловецкаго архипелага.

Нерѣдко бывая въ Архангельскѣ, царь Петръ ѣздилъ и на Соловки. Преданіе говоритъ, что разъ, живя здѣсь, государь задумалъ снять самыя большіе монастырскіе колокола, чтобы отлить изъ нихъ пушки. Монахи стали умолять государя отмѣнить это рѣшеніе и оставить на монастырской колокольнѣ прежнее число колоколовъ.

— А зачѣмъ вамъ колокола? — спросилъ государь.

— Созывать народъ къ богослуженію, — отвѣтили монахи.

Государь ничего не отвѣтилъ имъ на это, а только приказалъ всѣмъ

монахамъ сѣсть на катера и ѣхать на дальній островъ архипелага (въ Соловецкомъ архипелагѣ шесть острововъ) и тамъ слушать «во всѣ уши», что будетъ, а самъ велѣлъ три раза перезвонить въ монастырскіе колокола, а потомъ три раза выпалить изъ пушки.

Черезъ нѣсколько времени монахи вернулись.

— Ну, что же вы слышали, святые отцы? — спросилъ царь монаховъ.

— Мы слышали, — отвѣтили они, — точно пальбу изъ пушекъ.

— Ну, вотъ то-то и есть! — замѣтилъ царь: — колоколовъ своихъ вы не слышали, а пушки славу мою до васъ донесли. Такъ ужъ лучше давайте мнѣ свои колокола; я ихъ на пушки перелю. а эти пушки славу святыхъ угодниковъ соловецкихъ распространять до самаго Стекольнаго города (такъ въ просторѣчїи назывался въ Россїи Стокгольмъ)

Волей-неволей монахи согласились на предложеніе царя и отдали ему лучшіе монастырскіе колокола.

Первый кусокъ.

Передъ божницей лампада горитъ,
Праздничной смотреть вся хата;
Въ сборѣ — семья... Дѣдъ сидитъ за столомъ:
„Эй! Не шумите, внучата!..

„Ну-ка, хозяйка! Пора вынимать...
Нынче — по милости Неба —
Вдѣсталь отвѣдаетъ Божій народъ
Божьяго новаго хлѣба...“

Благословясь, молодуха пошла,
Стукнула — слышно — заслономъ;
Хлѣбомъ горячимъ пахнуло въ избѣ,
Какъ фиміамъ благовоннымъ...

„Ишь, развозились!.. Не терпится вамъ...
Я — васъ!.. Нишкни непосѣда!..“

Смолкли ребята, съ улыбкой глядятъ
Всѣ на любимаго дѣда...

Вотъ и хозяйка несетъ коровай,
Бѣлой холстиной укрыла,
Предъ большакѣмъ опустила на столъ,
Въ - поясъ поклонъ положила...

Всталъ - поднялся сивый дѣдъ со скамьи
Всѣ обернулись къ иконамъ,
Всѣ осѣнились широкимъ крестомъ
Съ истовымъ, чиннымъ поклономъ.

Древніе, темные лики иконъ,
Въ блескѣ лампадномъ мерцаютъ,
Словно свѣтлѣли, молитвѣ нѣмой
Темнаго люда внимая...

Сѣли всѣ молча опять вкругъ стола;
Дѣдъ, отвернувши холстину,
Накрестъ порушилъ ножомъ коровай
И раздавать сталъ „новину“...

Каждый билъ въ - поясъ поклонъ большаку,
Хлѣбъ принимая... Въ оконца
Съ улицы въ хату врывались лучи
Краснаго Божьяго солнца, —

Словно и имъ было вдиво взглянуть,
Какъ — милость Неба встрѣчая —
Счастливы - доволенъ былъ людъ трудовой
Первымъ кускомъ урожая!..

А. Коринфскій.

А. С. Грибоѣдовъ.

Существуютъ писатели, вся творческая сила которыхъ выливается въ одномъ произведеніи, сохраняющѣмъ свое значеніе на протяженіи многихъ вѣковъ.

Таковъ Сервантесъ, давшій міру «Донъ Кихота», таковъ Данте, написавшій «Божественную Комедію», Де-Фоз, создавшій «Робинзона Крузо», Бичеръ-Стоу — «Хижину дяди Тома»; такимъ же среди русскихъ писателей является Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, творецъ безсмертной комедіи «Горе отъ ума».

Прошло больше ста лѣтъ со дня, когда появилось на свѣтъ «Горе отъ ума», но до сихъ поръ оно не утратило духа современности; герои этой комедіи не умерли вмѣстѣ со своей эпохой, а продолжаютъ жить, воплотивъ волненія и страданія людскія.

Не найдется ни одного сколько нибудь культурнаго русскаго, который не зналъ бы комедіи Грибоѣдова или не видѣлъ бы ея нѣсколько разъ на сценѣ. Пройдутъ вѣка, но «Горе отъ ума» и для будущихъ поколѣній не утратитъ своего художественнаго значенія.

А. С. Грибоѣдовъ родился 15 января 1795 года въ Москвѣ. Родители его принадлежали къ старому дворянскому роду, гордившемуся своимъ происхожденіемъ. Мать будущаго писателя была женщиной заносчивой, обладала тяжелымъ характеромъ и всѣхъ въ домъ подчиняла своей волѣ. Больше всего заботилась она о поддержаніи аристократическаго блеска и постаралась дать сыну образованіе, считавшееся лучшимъ по понятіямъ того времени.

Сперва А. С. росъ подъ надзоромъ иностранцевъ - гувернеровъ. Потомъ завѣдывать образованіемъ будущаго писателя былъ приглашенъ юристъ Іонъ, произведшій благотворное вліяніе на мальчика.

Когда юному Грибоѣдову исполнилось 15 лѣтъ, его опредѣлили въ

Московскій университетъ на этико-политическій факультетъ.

Въ университетскіе годы А. С. Грибоѣдовъ сдѣлалъ первыя попытки писать. Попытки эти нельзя назвать удачными: онѣ не отличались отъ попытокъ любого юноши писать стихи.

Мать недружелюбно встрѣтила литературные опыты сына. Съ точки зрѣнія высшаго московскаго общества занятія литературой являлись унизительнымъ трудомъ. Мать готовила сына къ государственной карьерѣ и постаралась всячески охладить его пылъ къ литературѣ.

Въ 1812 году правительство призывало студентовъ Московскаго университета къ ополченію. Грибоѣдовъ поступилъ въ Иркутскій гусарскій полкъ.

Вырвавшись изъ-подъ опеки матери, А. С. предался развлеченіямъ, превосходя въ проказахъ и шалостяхъ своихъ товарищей по полку. Рассказываютъ, что однажды онъ верхомъ на лошади вѣхалъ на балъ — во второй этажъ дворянскаго собранія.

Но такое настроеніе у Грибоѣдова продолжалось недолго. У него была слишкомъ глубокая натура для того, чтобы предаваться пустякамъ. Въ 1916 г. онъ вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь началъ писать свою безсмертную комедію.

Одновременно началась и его служебная дѣятельность.

Въ 1918 л. Грибоѣдову было предложено мѣсто секретаря посольства въ Персіи, и онъ уѣхалъ въ Тавризъ.

Въ Персіи и была закончена комедія «Горе отъ ума».

Въ 1821 г. Грибоѣдовъ былъ посланъ въ Тифлисъ съ донесеніемъ о войнѣ, вспыхнувшей между Турціей и Персіей. Въ дорогѣ онъ сломалъ руку и вынужденъ былъ остаться въ Тифлисѣ, откуда въ 1823 году переѣхалъ въ Москву.

«Горе отъ ума» было отдѣлано и закончено. Но увидѣть на сценѣ комедію автору не удалось. Въ ней видѣли сатиру на высшее московское общество и потому не допускали къ постановкѣ.

Подъ вліяніемъ матери А. С. въ 1826 г. отправился служить на Кавказъ. Служба уже не удовлетворяла его; онъ стремился выйти въ отставку и отдаться цѣликомъ литературѣ, но министръ иностранныхъ дѣлъ не принялъ отставки, а предложилъ А. С. постъ министра-резидента въ Персіи.

А. С. Грибоѣдовъ увѣзжалъ въ Персію, томимый скверными пред-

чувствіями. Предчувствія эти оправдались: онъ былъ убитъ въ Тегеранѣ персидской чернью, разгромившей во время безпорядковъ русское посольство.

Грибоѣдовъ погибъ, но комедія его осталась. Впервые она поставлена на сценѣ въ Петербургѣ 26 января 1831 г., а въ Москвѣ 27 ноября того же года.

И съ тѣхъ поръ «Горе отъ ума» не сходитъ со сцены русскаго театра.

Тадѡ.

Москва. Кремль.

Опасная поѣздка.

(Случай изъ жизни русскихъ скаутовъ).

Былъ тихій лѣтній вечеръ, когда пятеро скаутовъ отчалили отъ городской (въ Ригѣ) пристани, рассчитывая къ утру прибыть въ лагерь и доставить туда провизию.

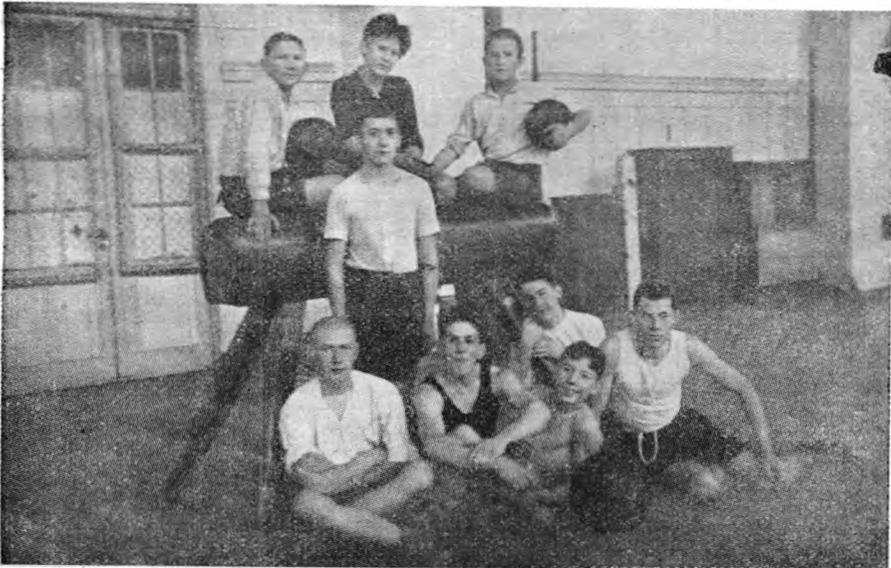
Лодка шла быстро по каналу, обгоняя катающихся горожанъ. Вскорѣ засверкала впереди блестящая поверхность озера. Когда лодка выбралась изъ канала, солнце заходило. Легкій, ровный вѣтерокъ подымался со стороны моря. Пользуясь имъ, скауты поставили

мачту, изъ палатки смастерили парусъ; и лодка сначала медленно, а потомъ все быстрѣе заскользила по озеру. Вскорѣ пришлось подтянуть парусъ.

— Не было-бы шквала, — замѣтилъ скаутъ, сидѣвшій на носу, — они здѣсь налетаютъ неожиданно, а у насъ лодка здорово нагружена.

Въ воздухѣ неожиданно посвѣжѣло. Часть горизонта стала заволакиваться тучами, и было что-то жуткое въ сумракѣ, медленно надвигавшемся на

Гимнастика у скаутовъ.

Чтобы защитить слабого, нужно самому быть сильнымъ. Спортъ и гимнастика укрѣпляютъ силы, а потому скауты занимаются гимнастикой. На нашемъ снимкѣ изображенъ гимнастическій кружокъ русскихъ скаутовъ въ Ригѣ.

горящее закатомъ небо. Скауты сбились въ кучку посрединѣ лодки. Вѣтеръ усилился. Какъ-то неожиданно появились волны, и лодка тяжело закачалась, зарываясь въ нихъ носомъ.

— Миша, смотри за парусомъ, а ты, Коля, иди сюда помогать мнѣ; остальные двое держите наготовѣ весла, — командовалъ старшій, стараясь все время направлять лодку въ разрѣзъ волнамъ. Ровный до сихъ поръ вѣтеръ началъ дуть порывами, то натягивая парусъ до такой степени, что мачта гнулась и трещала, то ослабѣвалъ до того, что парусъ висѣлъ безпомощной тряпкой.

Скауты съ блѣдными лицами сидѣли, крѣпко ухватившись за борта лодки. Началъ накрапывать дождикъ. Волны подбрасывали лодку. Полная тьма была вокругъ. Скауты потеряли направленіе и лишь заботились о томъ, чтобы не дать лодкѣ опрокинуться. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и бросалъ ихъ вмѣстѣ съ пѣной и дождемъ въ лицо.

— Надо убрать парусъ, а то онъ не выдержитъ! — крикнулъ одинъ скаутъ срывающимся отъ волненія голосомъ.

Миша сталъ развязывать веревку, но узелъ такъ намокъ и затянулся, что это ему не удалось.

— Рѣзать веревку! — закричалъ старшій.

Неожиданно сильный порывъ вѣтра налетѣлъ вдругъ и накренилъ лодку, парусъ затрещалъ, разорвался и безпомощно забился о мачту. Изъ устъ скаутовъ вырвался крикъ ужаса. Лодка перестала слушаться руля, повернулась бортомъ къ вѣтру и забила безпомощно на мѣстѣ. Большая волна, налетѣвъ на лодку, захлестнула ее водой. Не повалились скауты на другой бортъ — лодка опрокинулась бы.

— Всѣ за весла, гребите сильнѣй! — командовалъ Миша, стараясь перекричать шумъ бури. Скауты бросились къ весламъ.

Лодку кидало изъ стороны въ сторону, весла стучались одно о другое,

или безпомощно болтались въ воздухѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій удалось направить носъ лодки въ разрѣзъ волнамъ.

Еще полчаса прошло въ тяжелой борьбѣ, но вотъ вѣтеръ сталъ стихать. На небѣ кое-гдѣ заблестѣли звѣздочки. Низко, низко проносились обрывки тучъ. Волны лѣнивѣе подбрасывали лодку, и усталые скауты вздохнули съ облегченіемъ.

— Огонь!

— Гдѣ? гдѣ?

— Вонъ, слѣва!

— Мелькнулъ! мелькнулъ!

Всѣ съ напряженіемъ всматривались въ темноту, а тамъ мелькала зеленоватая точка.

— Ёдемъ на огонь: можетъ быть берегъ!

Весла работали быстро и дружно, и скоро изъ мрака выдвинулся силуэтъ какого-то судна. Оно безпомощно билось на волнахъ.

Когда лодка скаутовъ приблизилась къ судну, оказавшемуся яхтой, съ него раздались крики о помощи. Одинъ изъ скаутовъ сталъ на носъ и пытался зацѣпить багромъ за бортъ яхты, но это ему долго не удавалось, такъ какъ яхту бросало волнами изъ стороны въ сторону. Наконецъ, съ яхты бросили канатъ, и тогда скаутамъ удалось пристать къ ней. На палубѣ яхты было двое молодыхъ людей, мокрыхъ и очень несчастныхъ на видъ, которые рассказали, что какъ только началась буря у нихъ сломался руль, и они чуть не погибли. Скаутамъ пришлось взять яхту на буксиръ. Послѣ двухъ часовъ тяжелой работы, они увидѣли, наконецъ, впереди темную полосу берега. Скоро лодка стукнулась о дно. Ее и яхту привязали къ кустамъ. На берегу развели костеръ, сварили чаю; и скоро обогрѣвшіеся и повеселѣвшіе сидѣли всѣ у огонька, дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями.

Ф.

Чемпіоны Европы въ 1925 году.

Въ боксѣ (въ тяжеломъ вѣсѣ) Эрминіо Спалла (Италія); въ вѣсѣ „мухи“ — Пладнеръ (Франція), а въ вѣсѣ „пѣтуха“ — Сцилла (Бельгія).

Въ подниманіи тяжестей — Ригуло (Франція).

Въ фигурномъ бѣгѣ на конькахъ — Бекль (Австрія).

Въ фехтованіи австрійскій мастеръ Бриннеръ.

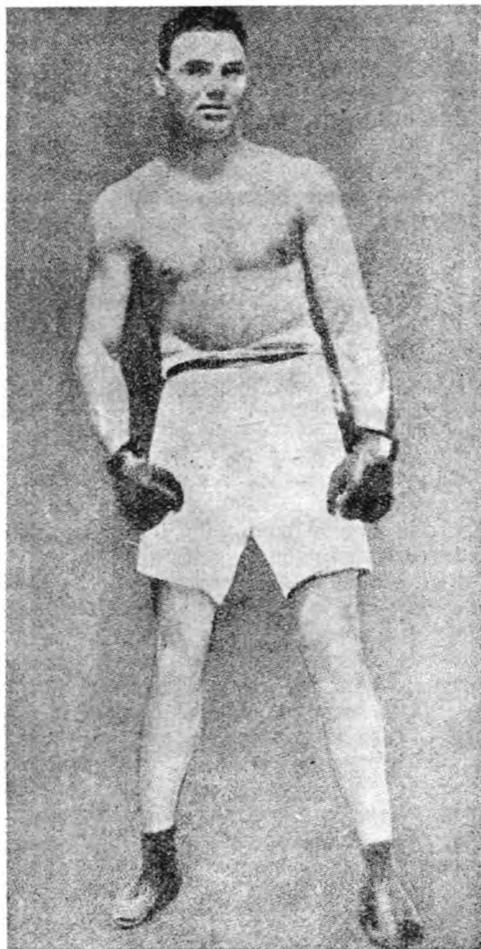
Въ плаваніи (на 400 метровъ) Гейрихъ (Германія).

Чемпіонъ бокса.

Черный прыгунъ.

Негръ Каторъ, чемпіонъ міра въ прыганіи.

Боксеръ Демпси (Англія).

Хоккей.

Члены рижскаго хоккей-клуба.

Суевѣріе среди боксеровъ.

Какъ извѣстно, суевѣрія сильно распространены среди представителей профессій, требующихъ нервнаго напряженія. Суевѣрны моряки, политическіе дѣятели, актеры и разбойники. Одни, казалось бы, борцы и боксеры, какъ наиболѣе сильные представители рода человѣческаго, должны бы быть чужды этого малодушія.

Оказывается, не тутъ то было.

Нѣтъ ничего удивительнаго увидѣть на какомъ-нибудь знаменитомъ, заслуженномъ боксерѣ дырявые башмаки, или какую-либо другую принадлежность его боксерскаго туалета.

— Какъ? — восклицаютъ негодующіе зрители. — Что мы видимъ? Бѣднягѣ Дикси Киду не на что купить себѣ башмаковъ!

Однако, дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ.

Дикси Кидъ суевѣренъ, какъ и большинство его коллегъ. Часть костюма, въ которой имъ въ ранней молодости была одержана первая или какая-нибудь особенно блестящая побѣда, надевается съ тѣхъ поръ уже всегда, пока не истлѣетъ. Разстаться съ такимъ амулетомъ, по мнѣнію боксера, значить быть навѣрное побѣжденнымъ.

Суевѣрія боксеровъ доставляютъ много хлопотъ устроителямъ состязаній.

Одинъ тяжеловѣсъ, ревностный католикъ, соглашался бороться лишь тогда, когда его другъ, стоя неподалеку, держалъ передъ нимъ распятіе. Другой пользовался всякимъ перерывомъ, чтобы сбѣгать взглянуть на свой талисманъ — цѣпочку съ брелокомъ; приколотъ его къ себѣ, къ сожалѣнію, было не къ чему.

Коньки.

Лучшіе конькобѣжцы Латвіи

Особенно много доставлялъ неприятностей одинъ знаменитый боксеръ, по происхожденію ирландецъ, который ни за что не соглашался бороться съ рыжими. Бѣдному малому неловко было спросить при подписаніи контракта, какого цвѣта волосы будутъ у его противника, и поэтому въ послѣднюю минуту передъ боемъ выходили казусы:

— Не желаю бороться съ Джексономъ! — неожиданно заявляетъ этотъ суевѣрный человѣкъ. — Хоть рѣжьте меня, не пойду!

Подымается переполохъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Случилось что-нибудь?

— Ничего не случилось, а просто онъ... онъ рыжій.

И тутъ ужъ никакіе уговоры не помогали. Публика могла ломать стулья и свистѣть, а импресарио виенуть на рукѣ злополучнаго чемпиона и умолять:

— Милый, деритесь! Глядите, заль переполненъ. Слушайте, не будьте же глупцомъ! Да вѣдь вы же сами рыжій!

— Да, и мои волосы приносятъ несчастье противнику, — отвѣчалъ непоколебимый чемпионъ.

Слабости присущи, оказывается, и самымъ сильнымъ міра сего.

Л. Б - гъ.

Египетъ.

По случаю 14-го навигаціоннаго конгресса (въ Каирѣ) который состоится въ ноябрѣ — декабрѣ 1926 г., будутъ выпущены по примѣру послѣдняго всемирнаго конгресса географовъ, въ томъ же городѣ спеціальныя марки.

Другія египетскія марки предположено выпустить передъ все-американскими олимпийскими играми, которыя состоятся въ 1927 году въ Александріи.

Монголія.

Въ Москвѣ печатаются марки (серія въ 6 штукъ) для Монголіи. Рисунокъ, изображающій 4 короны, напоминаетъ мальтійскій крестъ.

Исландія.

Въ Исландіи до сихъ поръ выпускались марки, очень похожія на датскія. Теперь Исландія выпускаетъ марки въ 7, 10, 20, 35 и 40 ауръ съ изображеніемъ лодокъ на берегу, съ видомъ улицъ столицы Рейкьявикъ (10 и 35 ауръ) и съ изображеніемъ Національнаго Музея въ томъ же городѣ (20 ауръ).

Сов. Россія.

У многихъ уже красуются въ коллекціяхъ марки въ 7 (синяя) и въ 14 копеекъ (зеленая) съ изображеніемъ русскаго профессора Попова. На маркѣ имѣется надпись на эсперанто: *Inventisto de radio — Popov.* (Изобрѣтатель радио — Поповъ). По сообщенію англійскихъ газетъ, профессоръ Поповъ пре-

подающій физику въ Саратовскомъ университетѣ, изобрѣлъ аппаратъ для съемокъ, при помощи радио, на разстояніи движущихся предметовъ.

Аравія.

Въ Меккѣ въ 1922 г. были выпущены марки съ арабскими надписями. До сихъ поръ вышло 8 серій марокъ въ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, 1, $1\frac{1}{2}$, 2, 3 и 5 піастровъ. Наверху надпись: «Почта арабскаго геджасскаго правительства», внизу стоимость марки, въ центрѣ — надпись: «Али, сынъ Эль Хуссейна, рабъ Аллаха» и съ двухъ сторонъ «Святая Мекка».

Перепечатка чернаго, краснаго или синяго цвѣта указываетъ на арабскій 1313 годъ и на день и мѣсяць образованія новаго правительства: 5 октября 1924 г.

Соединенные Штаты.

11 января въ Индианополисѣ, въ память уроженца этого города Гаррисона, выпущены въ продажу зеленыя въ 13 центовъ марки; онѣ будутъ употребляться главнымъ образомъ для пакетовъ.

Чехословакія.

Филателия, или изученіе марокъ, введена въ школахъ Чехословакіи какъ вспомогательное средство для изученія географіи и исторіи.

Президентъ Чехословакіи профессоръ Массарикъ уже много лѣтъ собираетъ марки.

Страничка юмора.

Охотник и кенгуру.

Я ее поймаю.

Добыча почти в руках.

Готово!

Аа-аа-аа! Спасите!

Обо всемъ понемногу.

Какъ возникли въ Латвіи города.

Изъ коллекціи Шмидта.

Въ XII столѣтіи русскіе вели обширную торговлю съ Византіей и Аравіей. Товары сплавлялись по Волгѣ, Днѣпру и Дону. Но такъ какъ степные кочевники препятствовали торговлѣ, нападая на караваны и безжалостно грабя ихъ, то новгородскіе, псковскіе, полоцкіе и смоленскіе купцы стали торговать съ западомъ. Отправляли они свои товары черезъ Лагвію, причемъ мѣстные жители принимали въ торговлѣ самое живое участіе. У замковъ епископовъ и рыцарей ливонскаго ордена, гдѣ обыкновенно происходилъ обмѣнъ товаровъ, постепенно образовались торговые центры, изъ которыхъ впоследствии выросли города.

Такъ возникли Цесисъ (Венденъ) Руенъ, Валміара (Вольмаръ), Кулдига (Голдингенъ), Лимбажи (Лемзаль) и другіе.

Самымъ крупнымъ торговымъ центромъ являлась Рига. Отсюда поддерживались тѣсныя связи съ Полоцкомъ, куда отправлялись западно-европейскіе товары по Западной Двинѣ (Даугава), а по сухопутью — до Пскова и Новгорода.

Въ 1-мъ номерѣ „Юн. Чит.“ мы дали снимки съ развалинъ Венденскаго замка, въ старину бывшаго очагомъ, вокругъ котораго разросся одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Латвіи — Цесисъ (Венденъ). На прилагаемыхъ снимкахъ мы даемъ видъ новаго замка Цесиса въ его современномъ видѣ.

Второй снимокъ изображаетъ видъ на городъ Руенъ съ развалинами замка.

Г. Я.

Рѣдкая добыча.

Недавно въ Латвіи (въ Тальсепскомъ уѣздѣ) былъ застрѣленъ рѣдкій въ наше время экземпляръ воздушнаго хищника.

Это орланъ-бѣлохвость, или морской орель (научное названіе — *Haliaeetus albicilla*).

Новый замокъ Вендена.

Изъ коллекціи Шмидта.

Видъ на Руенъ съ развалинами замка.

На нашемъ снимкѣ орель изображенъ рядомъ съ препараторомъ, изготовляющимъ изъ него чучело. Вѣсъ убитаго хищника 16 фунтовъ; размахъ крыльевъ (разстояніе между концами раскрытыхъ крыльевъ) — 2 метра 20 сантиметровъ.

Орланъ-бѣлохвость водится по всему сѣверу стараго свѣта отъ Камчатки до Ирландіи и на югъ — до нижняго Египта и Ян-Тзе-Кіанга. Будучи преи-

мущественно береговой птицей, онъ обитаетъ близъ морскихъ береговъ, возлѣ большихъ озеръ и рѣкъ.

Въ Латвіи орланъ бѣлохвость гнѣздится въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ на вершинахъ высокихъ старыхъ деревьевъ; въ другихъ странахъ — на неприступныхъ скалахъ; въ безлѣсной мѣстности — на кустахъ, а въ степной — прямо на землѣ. Гнѣздо такъ велико, что въ немъ можетъ свободно лечь взрослый человекъ.

Орланъ въ одномъ и томъ же гнѣздѣ живетъ 20—30 лѣтъ. Ежегодно въ апрѣлѣ въ гнѣздѣ появляются птенцы — одинъ или два.

Орланъ питается, главнымъ образомъ, рыбой, но не пренебрегаетъ и птицами, пачиная отъ дрофы, гусей, утокъ и кончая болѣе мелкими.

Не избѣгаютъ когтей и клюва орлана въ морѣ тюленята, а въ лѣсахъ дѣтеныши дикихъ козъ и оленей; съ голада нападаетъ орланъ на лисицъ и на собакъ.

Сильный и дерзкій хищникъ не знаетъ предѣловъ въ своихъ полетахъ на добычу и потому часто становится жертвой собственной жадности. Случается, что, запустивъ когти глубоко въ спину тюленя или большой рыбы, онъ не въ состояніи осилить жертвы и

не можетъ освободить когтей, — тогда жертва увлекаетъ его подъ воду, и хищникъ гибнетъ. Рыбаки сплошь и рядомъ находятъ остатки скелетовъ такихъ неудачниковъ на выловленныхъ крупныхъ рыбахъ.

Орланъ для культурныхъ странъ, гдѣ правильно поставлены охота и рыбодоводство, безусловно вреденъ. Въ малокультурныхъ странахъ онъ приноситъ некоторую пользу, такъ какъ уничтожаетъ падалъ и всякіе отбросы, выполняя до известной степени роль сапитара.

В И М.

Телевизионъ.

Французскіе, нѣмецкіе, англійскіе и американскіе техники послѣднее время работали надъ усовершенствованіемъ телевизиона (аппарата, благодаря которому можно на большомъ разстояніи видѣть различные предметы).

Побѣдителемъ изъ этого соревнованія техниковъ вышелъ французъ Эдуардъ Беланъ, произведшій цѣлый переворотъ въ исторіи французской техники своимъ телевизиономъ. Э. Беланъ въ декабрѣ продемонстрировалъ въ Парижѣ свой аппаратъ, состоящій изъ вращающагося зеркала съ 20 серебряными гранями, одѣтыми на вертикальный стальной дискъ, который дѣлаетъ 4000 оборотовъ въ минуту. Этотъ аппаратъ ярко освѣщается дуговой лампой, передъ которой помѣщается предметъ для передачи.

Разумѣется, подробности этого интереснаго аппарата остаются для публики тайной и известны пока только изобрѣтателю.

Богатствъ не надо.

Извѣстный писатель, авторъ юмористической повѣсти «Трое въ одной лодкѣ», Джеромъ К. Джеромъ прочелъ мальчикамъ въ одной англійской школѣ лекцію на тему «Какъ надо использовать жизнь».

Онъ предостерегъ мальчиковъ отъ посвященія ихъ будущей жизни добыванію богатства. Онъ сказалъ: «Большую часть того, что дѣйствительно стоитъ имѣть: книги, музыку, театр, спортъ, праздникъ, провѣденный съ сумкой за спиной, дружбу, любовь, — можно получить, расходуя мало денегъ, или даже совсѣмъ безъ тратъ».

Птичій госпиталь.

Въ Лондонѣ въ 1902 году одна молодая англичанка основала госпиталь для большихъ птицъ. Богатая молодая женщина всегда имѣла особенное расположеніе къ пернатымъ друзьямъ. Домъ

ея всегда былъ полонъ птицъ. Она ухаживала за ними, забавлялась и долгіе годы изучала міръ пернатыхъ и приобрѣла много знаній. Тогда она рѣшила открыть лѣчебницу для своихъ любимцевъ. Ухаживаніе за птицами требуетъ большого тяжелаго труда, терпѣнія, заботливости. Устройство этой необыкновенной больницы образцово. Постели для больныхъ птичекъ устроены въ маленькихъ корзинкахъ, обитыхъ фланелью. Въ чистыхъ шкафахъ стоятъ лѣкарства, лежатъ инструменты тонкой работы, необходимые при операціяхъ и лѣченіи сломанныхъ крыльевъ и ногъ маленькихъ страдальцевъ. Госпиталь этотъ знаютъ всѣ въ Лондонѣ, и любительницы птицъ безъ страха отдають туда своихъ любимицъ, которыя, благодаря пѣжному уходу, быстро выздоравливаютъ. Случается, что въ птичьемъ госпиталѣ лѣчится одновременно болѣе 150 птицъ.

Случай на охотѣ.

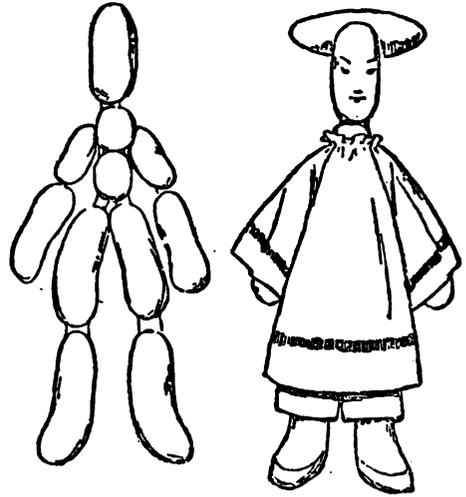
Дикія животныя, иногда, въ минуту крайней опасности, ищутъ защиты у человѣка. Въ Ирландіи одна дѣвушка, находившаяся недалеко отъ усадьбы въ полѣ, услышала лай собакъ и догадалась, что приближаются охотники. Ея сердце сжалось отъ жалости къ звѣрю, за которымъ гнались собаки. Вдругъ къ ней на колѣни вскочило самое пушистое и дикое изъ животныхъ—заяцъ. Дѣвушка обхватила его руками и побѣжала къ дому. За ней погнались собаки. Дѣвушка успѣла все-таки добѣжать до дома. Она заперла зайца въ дальнюю комнату, спрятала ключъ въ карманъ и съ невозмутимымъ видомъ вышла къ охотникамъ, изъ которыхъ многіе оказались ея добрыми знакомыми. Они ей вѣжливо пояснили, что, если она не выдастъ зайца, ихъ охота будетъ испорчена. Но дѣвушка рѣшительно отвѣтила: «Если вы простояте здѣсь хотя бы весь день и всю ночь, это ничего не измѣнитъ. Заяцъ бросился ко мнѣ за помощью, и я не обману его довѣрія». Охотникамъ ничего другого не оставалось, какъ раскланяться и поѣхать своей дорогой. Собаки, бѣгавшія до этого въ поискахъ зайца вокругъ дома, послѣдовали за хозяевами.

Квадратныя монеты.

Въ Австраліи круглыя мелко-размѣнныя монеты замѣнены четырехугольными. Онѣ гораздо удобнѣе для упаковки, при пересылкахъ, а также во время ихъ чеканки пропадаютъ меньше матеріала. Получается экономія до 15%.

Забавы и игры.

Китаецъ Самъ-Все-Знай.

Китаецъ Самъ-Все-Знай изъ ядеръ китайскихъ орѣховъ или бобовъ — препотѣшный малый, и мы можемъ сдѣлать его сами, имѣя подъ рукой одинъ фунтъ бобовъ или орѣховъ. Кукла, изображенная на рисункѣ, сдѣлана изъ 11 бобовъ, нанизанныхъ одинъ на другой. Глядя на первый рисунокъ, вы увидите, какъ подобраны орѣхи: большой для головы, для туловища 2 большихъ и два меньшихъ, еще два для верхнихъ конечностей и два длинныхъ изогнутыхъ для нижнихъ конечностей. Скрѣпите ихъ толстой ниткой, какъ показано на рисункѣ. Затѣмъ разрисуйте лицо чернымъ карандашомъ или чернилами, при чемъ постарайтесь сдѣлать косыя брови, чтобы человѣкъ сталъ похожъ на китайца. Возьмите три куска черной шерсти и сплетите ихъ въ косу, которую вы можете приклеить на макушкѣ головы, или привязать той самой крѣпкой ниткой, которую употребляли для скрѣпленія бобовъ.

Чтобы одѣть куклу, сшейте штаны изъ двухъ кусковъ пестрой матеріи. Подрубите каждый кусокъ съ одной стороны и соедините ихъ сзади. Сшейте также оба куска вокругъ бедеръ. Блузу надо сдѣлать въ видѣ маленькаго мѣшка, перетянутого у шеи. Два очень широкихъ рукава, въ видѣ мѣшковъ, пришиваются у шеи. Выбирая матерію для этихъ китайскихъ куколъ, слѣдуетъ взять яркіе цвѣта: красный, желтый, голубой, такъ какъ они эффектиѣе всего, и китайцы любятъ ихъ. Шляпа выходитъ очень милая, если ее сдѣлать изъ

двух круглых кусков картона, покрытых шелком и соединенных узкой шелковой тесьмой, которая и обшивается кругомъ. Прикрѣпляется шляпа къ головѣ булавкой съ цвѣтной стеклянной голзвкой. Черныя полосы на блузѣ образуетъ кайма, которая кладется на нижнюю часть ея и на края рукавовъ или же стежки. Если еще раскрасите ботинки чернилами, то вы придадите своему «Самъ-Все-Знаю» элегантную законченность. Только не забывайте при этомъ, что это — старый китаецъ. Теперь они уже стригутъ косы и носятъ европейскую одежду.

„Зоологическій садъ“.

Очень веселая игра для компании, не превышающей 12 человекъ, изъ которыхъ всѣ знаютъ другъ друга. Участвующие садятся въ кругъ, за исключеніемъ одного (по выбору, или по жребію), которому завязываютъ глаза и котораго ставятъ въ кругъ. Онъ долженъ указать на одного изъ сидящихъ и назвать какое угодно животное. Тотъ, на котораго указали, долженъ произвести характерный для названнаго животного звукъ, причеиъ рекомендуется измѣнить голосъ, чтобы труднѣе было угадать. Если стоящій въ кругу человекъ отгадаетъ по голосу того, кто закричалъ, то мѣняется съ нимъ мѣстами; если же не отгадаетъ то, указавъ на другого, называетъ другое животное. Когда онъ ошибается, сидяще въ кругу хлопаютъ въ ладоши. Послѣ того, какъ стоящій въ кругу мѣняется съ кѣмъ-нибудь мѣстами, всѣ пересаживаются, чтобы ихъ труднѣе было узнать.

Игра съ ложками.

Похожая на предыдущую, но болѣе спокойная игра. Стоящій съ завязанными глазами въ центрѣ долженъ дотронуться до кого-нибудь двумя деревянными ложками и съ ихъ помощью отгадать, кого онъ трогаетъ. Отгадывать можно до двухъ или трехъ разъ.

„Растенія“.

Игра для такого же количества человекъ, но въ ней не обязательно всѣхъ знать по именамъ: тутъ каждый выбираетъ себѣ названіе растенія. Стоящій въ кругу (но не съ завязанными глазами) указываетъ на одного изъ сидящихъ и три раза повторяетъ свое названіе. Тотъ, на кого онъ указалъ, долженъ не дать ему договорить, а перебивъ его, произнести свое названіе. Если стоящему въ кругу удалось три

раза назвать избранное имъ растеніе, то они мѣняются мѣстами; если нѣтъ, то онъ указываетъ на другого.

Эта игра интересна только, если играть быстро: стоящій въ центрѣ долженъ быстро называть свое растеніе и, быстро и неожиданно поворачиваясь, ошеломлять тѣхъ, на кого онъ указываетъ.

Энциклопедія въ три строчки.

Дно многихъ сибирскихъ рѣкъ покрыто вѣчнымъ слоеиъ льда, который никогда не таетъ и образуетъ подводные рифы. Рѣка Лена на больиомъ протяженіи течетъ по руслу, образованному на слою льда въ полторы сажени толщиной.

Первый пистолетъ былъ выкованъ въ городѣ Пистола — отсюда самое названіе.

Первыя чернила, которыми можно было хорошо писать, были изобрѣтены въ 1834 году. Ихъ изобрѣлъ англійскій врачъ Перри.

Бумага была извѣстна въ Китаѣ за 120 лѣтъ до Рождества Христова и только полторы тысячи лѣтъ спустя (приблизительно въ 1400 году) появилась въ обращеніи въ Европѣ.

Въ Индіи имѣется около трехъ миллионъ индусовъ-христіанъ.

Чтобы удержать человекъ на поверхности воды, достаточно одного фунта пробки.

Большинство хромыхъ людей, а именно, 85 процентовъ хромаютъ на лѣвую ногу.

Золотыя рыбки вывезены къ намъ изъ Китая 200 лѣтъ тому назадъ.

Изъ живыхъ существъ — попугай могутъ долше всего обходиться безъ воды. Въ этомъ отношеніи они превосходятъ даже верблюдовъ.

Первое Общество покровительства животнымъ было учреждено въ Англии.

Слопъ растетъ до 40 лѣтъ.

Верблюды не умѣютъ плавать. Какъ только верблюдъ, идущій вбродъ, почувствуетъ, что у него нѣтъ подъ ногами, онъ ложится на бокъ и не дѣлаетъ никакихъ попытокъ къ спасенію.

Счастливая замѣна

Марія Тюдоръ, дочь Генриха VIII, английская королева, прославилась своею ревностью къ католицизму и преслѣдованіемъ протестантовъ, за что и получила въ народѣ прозваніе «Кровавой». Взойдя на английский престолъ, она приказала немедленно изготovitъ приказъ объ арестѣ всѣхъ протестантовъ въ Ирландіи и передала собственноручно этотъ приказъ доктору Кале съ порученіемъ отвезти его въ Дублинъ и вручить вице-королю Ирландіи.

Пріѣхавъ на берегъ Ирландіи, докторъ остановился на отдыхъ въ небольшой гостиницѣ и, разговаривая съ хозяиномъ, показалъ ему тотъ кожаный ящикъ, въ которомъ находился приказъ королевы.

— Внутри этого ящика, — сказалъ докторъ, — находится гибель ирландскихъ еретиковъ.

При этомъ разговорѣ присутствовала жена хозяина гостиницы, братъ которой принадлежалъ къ числу протестантовъ города Дублина. Воспользовавшись удобной минутой, эта ловкая женщина вынула изъ ящика королевскій приказъ и положила на его мѣсто колоду картъ. По пріѣздѣ въ Дублинъ, докторъ Кале отправился къ вице-королю и торжественно вручилъ ему кожаный ящикъ; велико было удивленіе вице-короля, когда онъ, открывъ ящикъ, нашелъ тамъ только игральныя карты.

— Дѣлать нечего, — сказалъ онъ доктору, — вамъ придется снова съѣздить въ Лондонъ за приказомъ, а мы, для сокращенія времени, поиграемъ здѣсь въ эти карты.

Тогда игральныя карты были еще новостью, и ихъ не вездѣ можно было достать.

Доктору, конечно, былъ немедленно выданъ дубликатъ приказа, но на счастье «еретиковъ» Марія Кровавая скоропостижно скончалась, пока докторъ успѣлъ оставить Лондонъ. Это было очень кстати, такъ какъ на престолъ взошла королева Елизавета, сама протестантка, которая и возстановила протестантскую религію.

Королевѣ была рассказана вся исторія о продѣлкѣ трактирщицы, которая, по королевскому приказу, была щедро награждена за свою находчивость.

Грандіозные часы.

Въ Нью-Йоркѣ поставлены часы, занимающіе десять этажей одного изъ небоскребовъ. Освѣщаются они тысячей электрическихъ лампочекъ и показываютъ время всѣхъ странъ свѣта одновременно, дни, мѣсяцы и годы.

Лошадь — спасительница.

Въ шотландской деревнѣ произошелъ замѣчательный случай спасенія утопающаго.

Дѣвушка ѣхала въ тарантасѣ вдоль недавно углубленнаго озера, ея лошадь остановилась и нагнулась къ озеру, чтобы попить воды, но такъ какъ берегъ сталъ крутымъ, то лошадь споткнулась и упала вмѣстѣ съ телѣжкой и со своей хозяйкой въ воду. Телѣжка перевернулась, выбросивъ на большое разстояніе въ озеро не умѣвшую плавать дѣвушку. Очутившись на глубокомъ мѣстѣ, дѣвушка пошла ко дну; всплывъ на поверхность, она увидѣла, какъ билась лошадь, стараясь освободиться отъ телѣжки, что ей, наконецъ, и удалось. Дѣвушка захлебнулась; всплывъ вторично, она увидѣла пльвущую къ ней лошадь, которой она успѣшила вцѣпиться въ гриву. Лошадь сразу же повернула и поплыла къ берегу, влача за собой почти безчувственную хозяйку.

На берегу умное животное до тѣхъ поръ терло головой свою хозяйку, пока она не пришла въ себя.

Этому случаю спасенія чловѣка лошадью приходится удивляться чуть ли не больше, чѣмъ происшедшему нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ случаю спасенія утопающей слѣпымъ мальчикомъ, поплывшимъ на крикъ о помощи, и потомъ вмѣстѣ со спасенной имъ женщиной — къ берегу, въ томъ направленіи, откуда слышались крики многихъ зрячихъ зрителей.

Разныя свѣдѣнія.

Первымъ русскимъ кругосвѣтнымъ путешественникомъ былъ адмиралъ Крузенштернъ.

*

Дикая утка летитъ со скоростью 150 километровъ въ часъ. Ласточка однако оставляетъ ее далеко позади. Она можетъ летѣть въ десять разъ быстрѣе пассажирскаго поѣзда.

*

Гаммерфестъ — самый сѣверный торговый городъ въ мірѣ. Самымъ южнымъ торговымъ городомъ является городъ Арена въ Чили.

*

Какъ извѣстно, земля вращается вокругъ своей оси, и ея поверхность при этомъ движется со скоростью около 30 километровъ въ секунду. Иными словами, чловѣкъ, снимающій при встрѣчѣ со знакомымъ свою шляпу, успѣваетъ за это время промчатся въ мировомъ пространствѣ почти 200 верстъ.

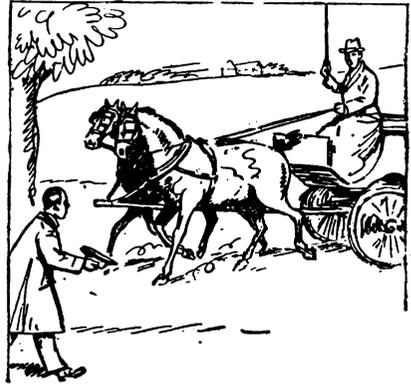
Большой конкурс журнала „Юный Читатель“
на премию, стоимостью свыше 100 латъ (5000 руб.).
 (Подробности о премиях смотр. въ отдѣлѣ объявленій).

2 серия задачъ:

Задача № 6.

Задача № 7.

Рисунки разсѣяннаго художника.

Задача № 8.

Крестъ-накрестъ.

1.	2.	3.	■	4.	5.	6.
■	■	■	■	■	■	■
7.	■	8.	9.	■	10.	■
■	11.	■	■	■	12.	■
13.	■	14.	15.	16.	■	■
■	17.	■	18.	■	■	■
19.	■	20.	21.	■	22.	23.
■	■	■	■	■	■	■
24.	■	25.	26.	27.	■	28.
■	29.	■	■	■	30.	■
31.	■	32.	■	■	■	■

Знаки Ъ, Ь опущены; Ъ и Э замѣнены буквой е.

Значеніе словъ въ горизонтальномъ направленіи:

1. Кусокъ хлѣба.
4. Физическое явленіе.
7. Мѣстоименіе.
8. Посуда.
10. Отравы.
13. Торжественное собраніе.
14. Поэтическое произведеніе.

16. Дурной запахъ.
17. Средство общенія.
18. Органъ чувства.
19. Мѣстоименіе.
20. Курортъ въ Австріи.
22. Продуктъ горѣнія.
24. Музыкальная нота.
25. Нѣчто кривоноее.
28. Славянское мѣстоименіе.
31. Домашнее животное.
32. Предметъ монастырскаго обихода.

Значеніе словъ въ вертикальномъ направленіи:

1. Торговля.
2. Нота.
3. Число.
4. Движеніе электричества.
5. Предлогъ.
6. Отличіе.
9. Мѣсто прогулки.
11. Мальчикъ.
12. Часть постройки.
14. Глаза.
15. Селеніе.
19. Болотная птица.
21. Элегантность.
23. Лакомое блюдо.
26. Благотв. организація.
27. Птица.
29. Восклицаніе.
30. Предлогъ.

Въ незачерненныхъ квадратикахъ размѣстить по буквѣ, чтобы получалось при чтеніи въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ по 16 словъ.

Задача № 9.

Къ одному рыцарю собралось для пробы вина большое общество. Угостивъ всѣхъ, рыцарь повелъ гостей къ боченку вина и сказалъ:

— Дорогіе гости, въ этомъ боченкѣ вина совсѣмъ мало, но оно замѣчательно. Кто изъ васъ рѣшитъ маленькую задачу? У меня въ рукахъ два кубка. Одинъ вмѣщаетъ 5 штофовъ, другой — три штофа. Какъ мнѣ отмѣрить въ каждомъ кубкѣ по одному штофу вина, конечно, безъ помощи мѣрки (штофа)? Тотъ, кто рѣшитъ задачу, получитъ оба кубка, наполненные драгоценнымъ виномъ.

Никто не рѣшилъ задачи, и рыцарь самъ выпилъ вино.

Кто изъ читателей рѣшитъ задачу?

Правила конкурса.

Участіе въ конкурсѣ «Юн. Чит.» могутъ принимать всѣ читатели нашего журнала. Рѣшенія задачъ должны доставляться редакціи въ назначаемые сроки, причемъ для иногороднихъ день отправки опредѣляется датой почтоваго штемпеля. Проживающіе въ Ригѣ подписчики и читатели могутъ во избѣжаніе лишннихъ расходовъ доставлять рѣшенія въ ре-

дакцію «Юнаго Читателя». Вальдемарская 63. Рѣшенія должны быть четко написаны. Конвертъ долженъ быть снабженъ надписью «Конкурсъ Юнаго Читателя». Должны быть указаны фамилія и адресъ рѣшившаго. Къ каждой серіи рѣшенныхъ задачъ долженъ быть приложенъ одинъ ТАЛОНЪ КОНКУРСА «ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ».

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 2-мъ „Юн. Чит.“, должны быть отправлены не позже 5 марта.

Почтовый ящикъ „Юнаго Читателя“.

Надѣ В., Колѣ Морозову, М. Веб-ру. „Дневникъ проказника“ лучше пока оставлять въ серединѣ журнала, гдѣ онъ вшитъ. Когда романъ закончится печатаніемъ, осторожно отогните кончики скрѣпокъ, которые потомъ загните снова. Отдѣльныя тетрадки „Дневника проказника“ аккуратно сшейте вмѣстѣ, или — что гораздо лучше — отдайте переплетчику. У васъ получится красивая книжка.

Шурѣ Левину. Если вы не нашли талона для конкурса, то вѣрно не сможете рѣшить и задачи.

Д. Бравину. Присылайте матеріаль. Посмотримъ.

Многимъ. Никакихъ исправленій на талонахъ не допускается. Пишется только имя, фамилія (можно также псевдонимъ) и адресъ.

З. К-вой, Двинскъ. Лишать не подписчиковъ права участія въ конкурсѣ мы не хотимъ. Возможно, что въ будущемъ будетъ устроенъ отдѣльный, дополнительный конкурсъ специально для нашихъ подписчиковъ.

Борѣ З. Такую задачу мы видѣли въ одной газетѣ.

Большой конкурсъ

Большой конкурсъ

ЖУРНАЛА

„Юный Читатель“

5.000 р.

на главную премию цѣнностью въ

СТО ЛАТЪ

5.000 р.

за лучшее рѣшеніе задачъ, помѣщаемыхъ въ ближайшихъ номерахъ „Юнаго Читателя“, начиная съ январьскаго номера.

Первая ПРЕМІЯ на выборъ:

„Стабиль“ № 53, ИНЖЕНЕРЪ-СТРОИТЕЛЬ, большой ящикъ фирмы Вальтеръ марка „Stabil“ № 53.

Большой ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ новѣйшаго образца съ сильнымъ объективомъ и картинами.

Полный наборъ для художника. Большой ящикъ съ полнымъ наборомъ красокъ лучшей фирмы съ принадлежностями.

Стѣнной ящикъ съ полнымъ наборомъ инструментовъ для столяра.

Большая готовальня для чертежника.

Въ числѣ другихъ премій: **Стѣнные часы, вѣрно идущіе**, которые каждый самъ можетъ разобрать и снова собрать. Строительные ящики „Стабиль“ и „Мерклинъ“. Домашнія типографіи. Электрическ. игра „Сатурнъ“. Игрушки. Книги.

Преміи можно видѣть въ магазинѣ „ПЕСТАЛОЦЦИ“

Рига, уг. Ратушной пл. и Известковой ул. № 15.

25

интересныхъ задачъ на конкурсъ

25

Въ каждомъ номерѣ „Юнаго Читателя“ помѣщаются въ отдѣлѣ конкурса I задача „Крестъ-накрестъ“ и по двѣ загадочныхъ картинки, а кромѣ того по 1—2 другихъ интересныхъ задачи.

5.000 р.

Первая премія
стоимостью 100 латъ

5.000 р.

будетъ присуждена нашему читателю, своевременно рѣшившему всѣ задачи, или наибольшую ихъ часть.

ДЕСЯТЬ ПРЕМІЙ

будутъ распределены между участниками конкурса по числу прислан. ими рѣшеній. Въ случаѣ, если всѣ или большинство задачъ будутъ рѣшены нѣсколькими лицами, премія присуждается по жребію.

Требуйте во вѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ кіоскахъ журналъ для семьи и для юношества „Юный Читатель“.

Цѣна отдѣльнаго номера 50 сант. (25 р.)

? Что подарить моему ребенку ?

**Новѣйшія, полезныя
занятія и игры**

для дѣтей всѣхъ возрастовъ

Вы найдете въ институтъ учебныхъ пособій

„Песталоцци“

Уголь Известковой и Ратушной пл. № 15

Талонъ 2-ой серіи большого конкурса „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“

Имя и фамилія

Адресъ

Безъ приложенія талона рѣшенныя задачи не разсматриваются.

ИЗДАНИЯ

Акционернаго Общества
Печатнаго Дѣла

САЛАМАНДРА

Бл. Кузнечная ул. № 43.

Учебники Н. В. Кузнецова:

- 1) **Практ. курс русск. правописанія с самодиктантами,**
2-ое издание 1.—
в папке — 1 лат 20 с.
- 2) **Элемент. курс русск. грамматики с самодиктантами**
(этимология и синтаксис для 2 и 3 кл. осн. школ)
2 ое переработ. издание 1.30
- 3) **Настольн. Хрестоматія с элемент. сведен. по родино-**
веден. (1 книга после буквара) 1.70
- 4) **Настольн. Хрестоматія, 2 часть — для 2 и 3 кл. осн. шк.** 1.90
- 5) **Новый иллюстриров. сборник упражненій в письмен.**
изложении мыслей в связи с элементарн. сведениями
из синтаксиса. Выпуск I, — для дошкольн., I-го и
II-го класса основной школы 1.30
- 6) **То же, II-ой выпуск для 3-го и 4-го клас. осн. школы** 1.60
- 7) **Пособие к сознат. чтению научных и художеств.-литер.**
произведений. Контрольная тетрадь для внеклассн.
чтения и для изучения индивидуальн. учащихся . . . —.40
- 8) **Новые сборники арифм. задач; вып. I.— цена 1 лат 30**
сант., вып. II.— 70 сант, вып. III.— 1 лат., вып. VI. и
V.— по 1 лат. 50 сант.
- 9) **Сравнит. таблицы мер и весов (с образцами вычислений)** —.70

Сборникъ юриск. мин. юст. П. П. Якоби и Элерсъ.
Законы о печати, о зрѣлищахъ, о политич. организац.,
собраніяхъ, о борьбѣ съ пьянствомъ и др. 2.50

Vestmāulas pasakas, Rob. Bērziņa: Ilustrejis A. Drekslers. 2.—
Кроме того в издании автора Н. В. Кузнецова вышли
учебники по арифметике

Школьники!

Ранцы, сумки, ученич. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете в магазинъ изящн. кож. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45.

Юные покупатели халвы

покупают халву марки греческ. фабрики

Бр. И. и Н. Манкосъ

КАЖДЫЙ КУСОКЪ ХАЛВЫ СНАБЖЕНЪ КЛЕЙМОМЪ НАШЕЙ ФИРМЫ.

Адресъ фабрики:

Рига, Гоголевская ул. 7-а, тел. 65-12.

Юный покупатель!

Изъ конфетъ и шоколада
покупай только обозначен-
... .. ное маркой

„Лайма“

Складъ и магазинъ Ръзницкая 9.

Богатый выборъ

Конфетъ,

Шоколада, карамели

и т. д.

Бумага и писчебумажн. принадлежности

Г. Аренштамъ

Сарайная 4. :: Осн. въ 1855 г.

Исполнение печатныхъ работъ

Всѣ юные читатели съ удовольствіемъ кушаютъ
вкусные баранки Алоя.

Фабрика: Б. Московская 14-16, тел. 83-06.

Мечта каждого юнаго читателя — имѣть

EVERSHARP — Вѣчный карандашъ

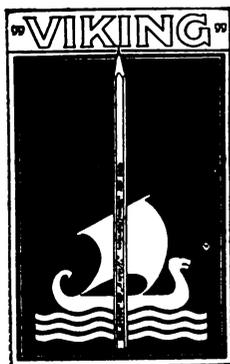
WAHL PEN — Вѣчное перо

у генеральнаго представителя для всей Прибалтики

„World Service“

В. А. ШИБАЕВЪ

Рига, Мал. Замковая 1, кв. 4, тел. 59-11.

Лучшіе

КАРАНДАШИ

датскаго производства

Въ продажѣ во всѣхъ большихъ
писчебумажныхъ магазинахъ

Представитель:

Р. ФРЕДЕРИКСЕНЪ

Реформатская ул. 8. Тел. 60-87

Издательство „Саламандра“

А. С. Пушкинъ

Капитанская дочка

Цѣна 60 сант. (30 руб.)

„Дешевая библиотека“

Рига

Изд. „САЛАМАНДРА“

Обращаемъ вниманіе русскаго читателя:

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналь для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе сорока страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛО-
ЖЕНИЯМИ И
ПРЕМИЕЙ по
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ на премию въ сто латъ (5000 рублей). * Особое приложение: „Дневникъ проказника“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера. Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), 1/2 года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара. Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, телефонъ 2-73. Текущій счетъ на почтѣ № 917.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Еженедѣльн. иллюстри-
рованный литературно-
художеств. журналь.

Редакторъ литературн. отдѣла **Б. К. Зайцевъ**. * Сотрудники: М. А. Алдановъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, М. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, М. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ и др. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ, Ю. Г. Рыковскій и др. Обложка Добужинскаго. * Цѣна отд. №—40 руб. въ Латвіи, 20 ам. ц. загр. Подписная плата: на 3 мѣсяца (13 номеровъ) — въ Латвіи 10 латъ, въ Эстоніи — 850 эст. мар., въ Литвѣ — 25 литовъ, за границей — 2 ам. дол. 50 ц.; на 1 мѣсяць (4 номера) — въ Латвіи — 3 лата, 20 сант. въ Эстоніи 260 эст. марокъ, въ Литвѣ — 7 1/2 лит., за границей — 75 амер. цент. * Адресъ: Рига, Б. Кузнечная 43. Почтовый текущій счетъ издательства № 916 — на этотъ счетъ можно вносить подписную плату во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ Латвіи, Литвѣ, Эстоніи и другихъ стран., съ обозначеніемъ: „Postscheck-Conto Riga № 877“.

Открыта подписка
на большую еже-
дневную русскую
газету на 1926 г.

„Слово“

Изданіе Акц. Общества
„Саламандра“, Рига
(Латвія), б. Кузнечная
43. Тел. 26-70 и 83-40.

„СЛОВО“ — поставлено по образцу Западно-Европейскихъ газетъ. * „СЛОВО“ — имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ, въ Африкѣ, а также въ Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи и Финляндіи. * „СЛОВО“ — имѣетъ самую широкую информацію и иллюстрировано фотографіями и рисунками. * „СЛОВО“ — даетъ наиболѣе свѣжія и послѣднія сообщенія изъ Совѣтской Россіи. * Въ „СЛОВѢ“ участвуютъ лучшія литературныя, научныя и обществен. силы. * Подписн. цѣна: въ Ригѣ — 2 л. 50 с. (125 р.) въ мѣс., въ провинціи—2 л. 80 с. (140 р.) „ „ за границей — 70 амер. центовъ „ „

Пріемъ объявленій открытъ.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“

Вышелъ вып. 1-ый: А. С. Пушкинъ „Капитанская дочка“, цѣна 60 сант. (30 руб.)
Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, тел. 2-73.

ОПТИКА и ВСѢ
принадлежности для фотографіи
Рига, Бульв. Аспазіи № 8. Тел. 15-03.

„ОКО“

Изд-во „ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“ Акц. О-во

уголъ Театральной ул. и бульв. Аспазіи.

Книги для дѣтей и юношества:

Въ нашемъ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ всегда имѣется полный подборъ всѣхъ вышедшихъ и вновь выходящихъ дѣтскихъ книгъ какъ за рубежомъ такъ и въ Россіи.

Книжки съ картинками:

Дѣтскій островъ
Красная шапочка
Четвероногіе проказники
Робинзонъ Крузо
Сказки 1001 ночи
Хижина дяди Тома
Путешествіе Гуливера
Волшебная лошадка
Крокодилъ
Гринвудъ. Исторія маленькаго оборвыша
Ждаповъ. Русь на переломѣ
Желиховецкая. Въ татарскомъ захолустьи
— Князь Илко
Истпенъ Охиджеза
Куперъ. Звѣробой
— Кожаный чулокъ
— Послѣдній изъ Могиканъ
— Прерія
— Слѣдопыть
Маленькій король
Словикъ Мока и Мишукъ.

На нашихъ складахъ имѣется постоянно самый большой и полный выборъ **новѣйшей** беллетристики, научной и дѣтской литературы на латышск., русск., нѣмецк., англійск. и французск. языкахъ.

Для средняго возраста:

Андерсенъ. Повѣсти для дѣтей
Афанасьевъ. Сказки
Бутенева. Вѣрныя собаки
Волшебныя сказки китайцевъ
Гофманъ. Щелкунчикъ
Достоевскій. Избран. рассказы
Жуковский. Избран. сочиненія
Пушкинъ. Сказки
Радуга. Русскіе поэты
Мейеръ-Лемго. Поѣздка на луну
Немировичъ-Данченко. Край золотого заката
В. Скоттъ. Айвенго
Форслундъ. Зунзунгъ и Зингилла
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ
Тургеневъ. Избранныя сочиненія
Чеховъ. Избранныя рассказы.

Для юношества:

Альбановъ. Между жизнью и смертью
Вегенеръ. Воспоминанія путешественника
Гединъ. Багдадъ
— Въ Тибетѣ
— Іерусалимъ
— Пустыни Азіи
— Трансгималаи.

Цѣна 50 сант. (25 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.

— Покази-ка! — говорить.

Я сначала долго не хотѣлъ дать ему ее, но подь конецъ далъ. Дѣвочки разукрасили веснушками все лицо. Это былъ портретъ, на оборотѣ котораго онѣ написали: «Красавецъ хоть куда». Волосы онѣ сдѣлали такими красными, какъ пѣтушиный гребень. Онѣ совсѣмъ поблѣднѣлъ, когда увидѣлъ это.

— Это стыдъ и срамъ, что эти дамы такъ насмѣхаются надъ своими кавалерами. — невинно замѣтилъ я.

— Убрайся вонъ! — сказалъ Петерсъ.

Я успѣлъ еще захватить горсть изюму и спокойно исчезъ. Онѣ были взбѣшенъ!

Мистеръ Куртнэ — адвокатъ и имѣетъ свою контору на площади, близъ суда. Я хорошо его знаю, потому что онѣ часто приходилъ къ намъ. Онѣ ужасно смѣшной и такой деревянный, что можно подумать, будто онѣ смотритъ на луну и соображаетъ, не сдѣлана-ли она изъ зеленого сыра. Голосъ у него низкій-пренизкій — до самыхъ его сапогъ. Сердце у меня забилося, до того мнѣ было страшно. Но я хотѣлъ довести шутку до конца, а потому спросилъ его:

— Что чудовище сегодня выставлено?

— О комъ говоришь ты? — спросилъ онѣ, глядя на меня съ высоты.

— Су сказала, если я зайду въ контору мистера Куртнэ, то могу ви-

дѣть то, что здѣсь снято, — говорю я и даю ему портретъ съ надписью: «Большое чудовище».

Ужасно забавно видѣть физиономію людей, когда они рассматриваютъ собственные фотографіи. Вмигъ онѣ поднялъ ногу, но я успѣлъ уклониться. Я слышалъ, онѣ проворчалъ что-то про жалобу за «нанесеніе оскорбленія». Мнѣ кажется, ему слѣдовало бы лучше жаловаться на «нанесеніе побоевъ», такъ какъ она постоянно бьетъ меня по ушамъ. Пусть ее посадятъ въ тюрьму — и подѣломъ.

Я не попаду въ постель раньше полуночи, если не кончу писать. Я уже зѣваю, какъ умирающая рыба. Итакъ, до свиданья, мой дневникъ, до слѣдующаго раза. Карточки я всѣ отдалъ еще передъ обѣдомъ. Думаю, выйдетъ изрядная кутерьма. Хочется лопнуть отъ смѣха, когда вспоминаю господина, которому я отдалъ «портретъ обезьяны». Онѣ выглядѣлъ такъ странно. Когда я вернулся домой къ обѣду, сестры упрасивали маму позволить имъ устроить на будущей недѣлѣ вечеръ. Не думаю, что придетъ кто-нибудь изъ молодыхъ людей: дѣвочки не могутъ болѣе на нихъ рассчитывать. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла! Зачѣмъ онѣ позволяютъ себѣ такъ обращаться съ моими ушами?

Р. С. Бьюсь объ закладъ, что сегодня у нихъ такой трезвонъ въ ухахъ, какого даже у меня никогда не бывало.

Глава III

Вечеръ.

О, Боже, Боже! Что это за гадкій мръ! Мальчики являются на свѣтъ для горя! Уже больше недѣли, какъ у меня не хватаетъ духу взяться за дневникъ. Бѣдный мой дневникъ, свидѣтель моего разбитаго сердца, у тебя я хочу искать утѣшенія. На твоихъ листахъ я опишу свое горе. Мнѣ и теперь еще больно сидѣть на стулѣ, но для тебя я постараюсь перенести боль.

Все началось въ тотъ день, когда я отнесъ нашимъ знакомымъ ихъ карточки. Дѣвочки приставали къ мамѣ, чтобы она устроила вечеръ, и мама, наконецъ, согласилась; тогда онѣ повеселили и стали составлять списокъ тѣхъ, кого онѣ хотѣли пригласить. Онѣ всѣ три работали прилежно, какъ пчелки, а я вель себя хорошо, сидѣлъ въ креслѣ и спокойно слушалъ, потому что былъ

очень утомленъ, какъ вдругъ звонокъ, и входитъ не кто другой, какъ тетя Бетси, которая живетъ въ Гоппертаунѣ и навѣщаетъ насъ раза два въ годъ. Мои сестры были въ отчаяніи, потому что знали, что она пробудетъ у насъ съ недѣлю и будетъ на вечерѣ. Лили сдѣлала злое лицо, когда она услышала объ этомъ.

— Противная старуха, — сказала она, — всегда пріѣдетъ некстати.

— Она навѣрное останется, если услышитъ о вечерѣ, — сказала Бессъ, — и опять надѣнетъ свое старое зеленое шелковое платье съ желтой наколкой и лиловыя перчатки.

— Она намъ ужасно надоѣсть. — сказала Сусанна. — Тетя Бетси, кажется, богата, но такая старомодная, что можно подумать, что она пришла прямо изъ Ноева ковчега.

Когда я услышалъ, что онѣ не хотятъ, чтобы тетя осталась на вечеръ, то и я тоже сталъ желать, чтобы она уѣхала. Сказать по правдѣ, — совѣсть у меня была нечиста изъ-за этихъ фотографій, которыя я отдалъ изъ мести. Ахъ, это ужасно, имѣть нечистую совѣсть: она давить, какъ свинецъ. Я жалѣю о томъ, что я сдѣлалъ, но не стоить плакать о разлитомъ молокѣ, а потому я рѣшилъ сдѣлать что-нибудь для моихъ сестеръ, чтобы загладить свою вину.

Послѣ чая я остался въ гостиной одинъ съ тетей и сказалъ ей:

— Тетя, хочешь-ли ты сдѣлать счастливыми моихъ сестеръ?

— О чемъ ты говоришь? — спросила она.

— Видишь-ли, если ты хочешь, то уѣзжай, пожалуйста, до нашего вечера. Онѣ не хотятъ, чтобы ты была на немъ. Я слышалъ, онѣ такъ говорили. Только не говори никому, что я это сказалъ тебѣ, а уѣзжай себѣ съ Богомъ накануне будущаго четверга, а я всю жизнь буду тебѣ благодаренъ за это.

Мнѣ кажется, что нехорошо было съ ея стороны обозлится, разъ я такъ вѣжливо говорилъ съ ней, и совсѣмъ уже гадко было сейчасъ

побѣжать и все рассказать, когда я нарочно просилъ ее не выдавать меня; она сдѣлала это такъ скоро, какъ только могла, а на другой день она ускакала и сказала, что никогда въ жизни больше не пріѣдетъ къ намъ.

Злоба всѣхъ обрушилась на меня, бѣднаго 8-лѣтняго мальчика. И еще кое-что другое обрушилось на меня. Я не хочу подвергать себя стыду, милый дневникъ, и не напишу, что именно, а скажу только, что они испортили ребенка, хотя и не жалѣли палки. Бетти пожалѣла меня и приготовила мнѣ мягкую подушку изъ какого-то стараго сидѣнія. Я не хочу выходить, чтобы мальчишки не примѣтили чего; время идетъ ужасно медленно. Я бы не побоялся сдѣлаться Робинзономъ. Когда я буду большой, и у меня будетъ маленькій мальчикъ, я не буду съ нимъ такъ дурно обращаться. Я бы не сталъ его наказывать за то, чего онъ вовсе не хотѣлъ сдѣлать, а давалъ бы ему три раза въ день сливочное пирожное и не позволялъ бы его старшимъ сестрамъ говорить съ нимъ такъ грубо, точно онъ чудовище какое.

Я все время былъ покоенъ изъ-за этихъ фотографій. Я боялся, что каждую минуту можетъ выйти наружу то, что я надѣлалъ. День проходилъ за днемъ; наконецъ, насталъ вечеръ, когда должно было собраться общество. Бетти одѣла меня въ новый костюмъ, повязала мнѣ самый красивый галстукъ и вылила цѣлый литръ духовъ на мой носовой платокъ; сестры съ полчаса твердили мнѣ, какъ я долженъ себя держать, если не хочу, чтобы меня послали спать, и, наконецъ, пустили меня въ залу. Весь домъ былъ освѣщенъ, вездѣ стояли букеты, былъ также человекъ, чтобы играть на роялѣ. У меня слюни текли при мысли о мороженомъ и о пирожномъ, объ апельсинахъ и желе, о цыплятахъ и бутербродахъ, которые были приготовлены въ столовой. Дѣвочки были такія хорошенькія въ бѣлыхъ платьяхъ, въ локонахъ, съ блестящими глазками и съ цвѣтами въ волосахъ.

Общество стало собираться. Всѣ молодыя благородныя дамы, которыя бывали у насъ, прѣхали; пробило 9 часовъ, а единственнымъ кавалеромъ былъ докторъ Муръ, который собирался жениться на Сусаннѣ. Сестры стали беспокоиться. Я дрожала до самыхъ пятъ.

Человѣкъ у рояля игралъ себѣ да игралъ. Двѣ дѣвицы взяли другъ дружку за талии и стали вальсировать, но это, кажется, не особенно имъ понравилось. Часы пробили половина девятого.

О, какъ мучила меня совѣсть. Я сказала себѣ: «Бомба заряжена, фитиль приложенъ, сейчасъ будетъ взрывъ».

Гости начали шептаться, а сестры имѣли такой видъ, какъ будто готовы были спрятаться въ мышиную норку.

Но вотъ раздался сильный звонокъ, всѣ лица просвѣтлѣли, но это была Бетти; она принесла карточку и передала ее сестрамъ. Это былъ не отказъ, а только фотографическая карточка, на которой онѣ сдѣлали надписи и которая должна бы лежать въ ихъ письменномъ столѣ. Опять звонокъ, еще одна фотографія — картина!

Было еще звонковъ двадцать, и каждый разъ являлись новыя карточки, еще и еще.

Подъ конецъ пришли двое молодыхъ людей. Я сразу поняла, почему они пришли. На ихъ карточкахъ было написано:

«О, ты, сердечный другъ», и «Слишкомъ прекрасенъ, слишкомъ великодушенъ, чтобы быть прочнымъ».

Этотъ служилъ въ сапожномъ магазинѣ, но онъ не понималъ остроты. Протанцовали нѣсколько танцевъ съ тремя кавалерами и пятью дамами.

Миссъ Гопкинсъ все время посмѣивалась, а сестры едва не плакали. Ужинъ былъ прекрасный, но я знала, что вечеръ испорченъ. Я была такъ неспокоенъ, что долженъ былъ остановиться на пятой порціи мороженого.

— Если бы я только знала, кто это сдѣлалъ. — говорила Сузи док-

тору, — я бы готова была его убить. И я бы сдѣлала это. Подлая, низкая и коварная шутка. Я ненавижу такія шутки. Всѣ они теперь злы на насъ. Мы никогда этого не поправимъ. Намъ нужно будетъ переѣхать въ другой городъ. Я никогда больше не посмѣю показаться на улицѣ. Ахъ, какъ бы я хотѣла узнать, кто это сдѣлалъ.

— Быть можетъ, Жоржъ объяснить намъ это? — сказалъ докторъ и пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ я. — Въ крайнемъ случаѣ, это былъ Гекторъ. Я далъ ему погрызть нѣсколько карточекъ; можетъ быть, онъ уронилъ ихъ на улицѣ.

— Такъ ты, значитъ, имѣлъ ихъ въ рукахъ? — вспыхнула она.

Бѣда была готова. Я убѣждалъ и легъ спать. Я не хотѣлъ видѣть, какъ гости будутъ уходить. Я лежалъ и думалъ, и думалъ. Я зналъ что меня опять ожидаетъ порка. Я не оправился еще отъ послѣдней. Мнѣ казалось, что я не перенесу жестокаго испытанія, которое меня ожидало утромъ. Я ни одной минуты не могъ спать. Я рѣшилъ бѣжать. Тетя Бетси жила только въ пятидесяти миляхъ (по желѣзной дорогѣ) отъ насъ. Я былъ тамъ разъ. У меня было два доллара въ копилкѣ. Мѣсяць свѣтилъ такъ ясно, какъ будто былъ день. Я всталъ и одѣлся, взялъ копилку, сползъ по лѣстницѣ такъ тихо, какъ мышь, отворилъ дверь и былъ на дворѣ.

Я побѣждалъ къ станціи такъ скоро, какъ только могъ. Было уже свѣтло. Товарный поѣздъ стоялъ на рельсахъ и пускалъ дымъ. Я улучилъ моментъ и влѣзъ въ пустой вагонъ.

Скоро зазвонили, и мы тронулись.

— Прощайте, друзья мои, — сказалъ я. — Этотъ злой мальчикъ не будетъ больше огорчать васъ. Онъ уходить и будетъ ждать, пока гроза не пронесется мимо.

Качаніе вагона меня скоро убавило.

-- Кто это? — спросил суровый голосъ.

— Это я, Жоржи, — сказалъ я. — Я заплачу за мой проѣздъ. Вотъ моя копилка съ двумя долларами, возьмите себѣ, сколько нужно.

— Какъ ты сюда попалъ? -- спросилъ онъ.

— Я убѣжалъ изъ дому, потому что я всегда что-нибудь напрокажу.

Меня хотѣли высѣчь, потому что я отдалъ молодымъ людямъ ихъ карточки, на которыхъ мои сестры сдѣлали надписи. Вы, вѣрно, кондукторъ?

— Конечно, — сказалъ онъ и засмѣялся. — Гдѣ ты хочешь слѣзть?

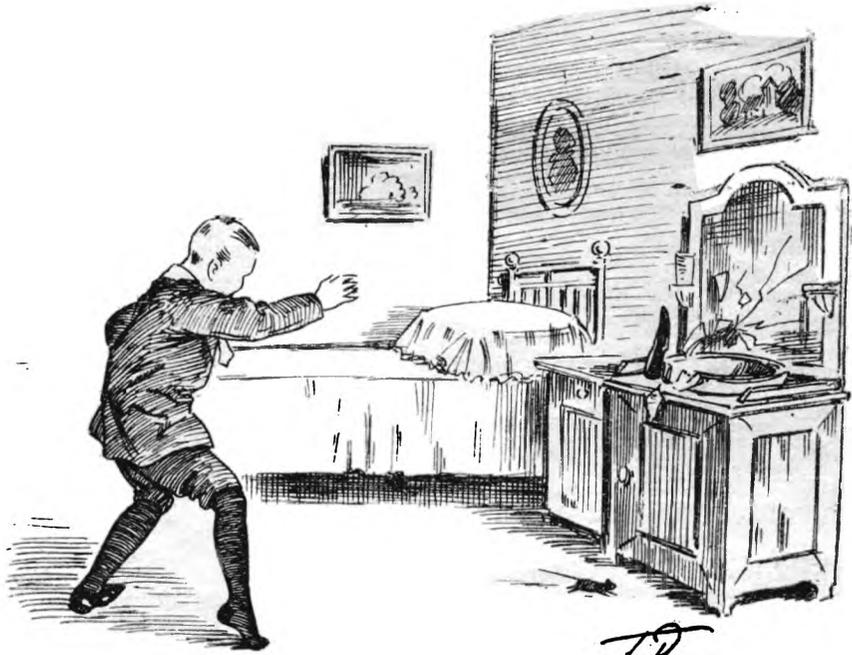
— Въ Гоппертаунѣ, — отвѣтилъ я. — И я думаю, что останусь тамъ, пока не вырасту.

Глава IV.

Бѣгство.

Прошлый вечеръ я оборвалъ свой рассказъ, потому что въ мою комнату пришла мышь, и я сталъ ловить ее. Я разбилъ умывальникъ,

онъ былъ въ моемъ возрастѣ, то его аккуратно каждый вечеръ драли, и совѣтовалъ мнѣ привыкнуть къ этому и махнуть рукой.

Я разбилъ умывальникъ...

когда бросилъ въ нее свой башмакъ, но мыши я не поймалъ.

Итакъ, мы съ кондукторомъ разговорились. Я рассказалъ ему про моихъ сестеръ, про тетю Бетси и про всѣхъ. Ему стало жаль меня; онъ не хотѣлъ взять съ меня денегъ за проѣздъ. Онъ сказалъ, что когда

— Лягушка привыкаетъ къ тому, что ее потрошатъ, — сказалъ онъ, — не мѣшай твоимъ сестрамъ выходить замужъ; женихи нынче рѣдки. Война въ Европѣ сильно поубавила число мужчинъ.

Кондуктора я буду любить до конца дней моихъ, онъ былъ такъ

любовень со мной. Кажется, пробило девять часов утра, когда мы приехали къ мѣсту, гдѣ я хотѣлъ выйти; мы пожали другъ другу руки и простились, какъ старые друзья. Я думаю, что не сдѣлаюсь охотникомъ на буйволовъ, когда буду большой, а пойду лучше въ кондуктора. Вотъ чудесная жизнь! Можно кататься даромъ, сколько угодно.

На станціи было нѣсколько мальчишекъ, которые очень удивились, когда я вышелъ изъ товарнаго вагона. Они представились мнѣ, и мнѣ пришло въ голову, что я могу немного поиграть, прежде чѣмъ сказать тетѣ Бетси, что я приехалъ сюда, чтобы остаться у нея.

Но оказалось, что это были скверные, безбожные мальчишки, очень дурно воспитанные. Они отняли у меня мою копилку, разорвали мой новый костюмъ и забросали меня грязью, такъ что я не могъ показаться людямъ.

Я вспомнилъ то, что прочелъ въ одной изъ моихъ книгъ: «берегись чужихъ собакъ».

Былъ уже полдень, когда я пришелъ къ тетѣ Бетси. Я не чувствовалъ голода, пока не услышалъ запаха печеныхъ пирожковъ. Она сидѣла одна за обѣдомъ, когда я вошелъ.

— Великій Боже! Жоржъ Гаккетъ, — вскричала она и уронила свой ножъ на тарелку такъ, что кусокъ отъ нея отвалился. — Откуда ты? Что это съ твоимъ костюмомъ? Кто расцарапалъ тебѣ лицо? Вѣдь это же!...

— Тетя Бетси, — сказалъ я, — я не хочу лгать, я убѣжалъ.

— Убѣжалъ! Убѣжалъ изъ родного дома, отъ добраго папы, отъ твоей дорогой мамы, отъ твоихъ хорошихъ сест...

Тутъ она вдругъ остановилась, точно у нея застряло что-то въ горлѣ. Вѣроятно, она вспомнила, какъ тѣ не хотѣли, чтобы она была на ихъ вечерѣ.

— Я не удивляюсь, — сказала она потомъ, — эти дѣвчонки способны кого угодно выгнать изъ дому. Расскажи мнѣ все, мое бѣдное дитя!

Я объяснилъ ей всю исторію. Я сказалъ ей также, что у меня сердце обливается кровью, потому что я тогда разоердилъ ее. Когда я рассказалъ ей про фотографію, у нея засверкали глаза, такъ она обрадовалась, что мои сестры попали въ глупое положеніе.

— Ты поступилъ нехорошо, Жоржъ, но мальчуганы всегда остаются мальчуганами. Меня радуетъ, что ты приехалъ ко мнѣ. Пойди теперь въ кухню, вымойся и приходи поскорѣе, а то цыплята остынутъ.

— Общаешь ли ты мнѣ, тетя, не писать имъ, гдѣ я?

— Если они не узнаютъ объ этомъ, пока я имъ не напишу, — сказала она коротко, — то ты останешься у меня, пока не вырастешь большой.

Видно было, что она ненавидѣла всѣхъ моихъ, потому что я рассказалъ ей, что они не хотѣли ее пригласить на вечеръ. Она такъ накормила меня, что я долженъ былъ остановиться на третьемъ кускѣ питета, исправила мою куртку и была такъ добра ко мнѣ, какъ только возможно.

Не было еще четырехъ часовъ, какъ отъ папы пришла телеграмма: «Не у васъ ли Жоржъ?» Тетя телеграфировала обратно: «Въ чемъ дѣло?» Такъ они и не узнали, здѣсь я или нѣтъ.

Я забылъ сказать, что взялъ съ собою дневникъ, который завернулъ въ свой носовой платокъ, а также чистую рубашку и пару чулокъ.

Это былъ умывальникъ тети Бетси, который я разбилъ, когда хотѣлъ поймать мышонка. Онъ — умывальникъ, а не мышонокъ — былъ изъ такого уморительнаго голубого фарфора, и тетя Бетси сердилась. Я боялся, что она за это отошлетъ меня домой.

Я уже два дня здѣсь, она держитъ меня только на эло моимъ, но, охъ! она заставляетъ меня работать, какъ невольника. Это ужъ начинаетъ мнѣ надоѣдать. Мнѣ приходится рубить котлеты и даже чистить бобы — просто стыдъ! У

насъ дома это дѣлаетъ кухарка. Она не позволяетъ мнѣ играть съ другими мальчишками. Я уже два раза ходилъ на станцію искать кондуктора, хочу просить его отвезти меня назадъ. Онъ это сдѣлаетъ, и

если бы еще разъ увидѣть родину моего дѣтства, я сдѣлался бы порядочнымъ мальчишкой! Напрасны эти печальныя мысли! Постой, ура! У меня идея! Я не напишу въ свой дневникъ, кака я именно, потому что

На станціи цѣлая толпа ожидала меня...

знаю. Тоска по родинѣ — что-то ужасное!

Четыре долгихъ, долгихъ дня и ночи. Какъ медленно ползетъ время, какъ улитка. Я въ отчаяніи, нѣтъ денегъ, нѣтъ друзей и нѣтъ возможности увидѣть кондуктора. Сегодня мнѣ пришлось очистить 12 четвертей брусники, моя гордость не переноситъ подобнаго униженія! О,

тетя Бетси, кажется, читаетъ его, когда меня нѣтъ дома.

Счастливецъ! Опять дома! Слезы застилаютъ мнѣ глаза, когда я вспоминаю сцену, какъ мой отецъ съ торжествомъ привезъ меня домой. Моя мать рыдала, мои сестры цѣловали меня, даже кухарка плакала, а Бетти держала фартукъ передъ

глазами. Весь городъ говорилъ обо мнѣ, точно я былъ бѣдный капитанъ Россѣ. На станціи цѣлая толпа народа ожидала меня. Нѣтъ, вотъ исторія-то! Папа былъ такъ золъ на тетю, что не сказалъ съ нею ни слова, когда прѣхалъ за мною, потому что все говорили, что я или умеръ, или меня украли. Вотъ какъ я получилъ деньги для телеграфирования: тетя послала меня чистить бруснику для варенія, а я продалъ ягоды, пошелъ на станцію и телеграфировалъ: «Я у тети Бетси — ради Бога прѣзжай и возьми меня домой. Твой сынъ Жоржъ».

Мои сестры ужасно милыя дѣвочки. Я никогда, никогда, во всю жизнь не буду дѣлать ничего, что можетъ ихъ огорчить. Я твердо рѣшилъ взять за образецъ отца, и когда буду большой, то хочу быть знаменитымъ и хорошимъ человекомъ.

Новый священникъ пришелъ къ намъ сегодня вечеромъ къ чаю. Его зовутъ его преподобіе Небезерь Слокумъ. Ему 26 лѣтъ, какъ онъ самъ сказалъ. Онъ бѣденъ, носитъ бѣлыя брызжи и, какъ я замѣтилъ, очень любить сладкія печенья. Онъ погладилъ меня по головѣ, — терпѣть не могу, когда меня гладятъ по головѣ, — это прилично для трехлѣтнихъ. Мнѣ кажется, онъ старается понравиться Лили, но она не хочетъ. Единственная душа на землѣ, о которой думаетъ Лили, это — Монтэрю де-Джонсъ. Сегодня передъ обѣдомъ я отнесъ ему письмо. Она дала мнѣ 10 центовъ, чтобы я никому этого не говорилъ. Онъ написалъ письмо и тоже далъ мнѣ 10 центовъ. Лили ожидала меня во дворѣ. Она быстро спрятала письмо въ карманъ и побѣжала наверхъ. Что бы это значило?

Послѣ чаю мы все пошли въ залу. Мистеръ Слокумъ спросилъ меня, люблю ли я тятюшки, потому что я какъ разъ положилъ одну себѣ въ ротъ. Мы были одни у окна. Я сказалъ, что люблю, и что я всегда ихъ покупаю, когда мистеръ Джонсъ мнѣ даетъ денегъ за то, что я приношу ему письмо отъ моей сестры Лили. Отчего у него позеленѣло

лицо, когда я это сказалъ? И потомъ онъ спросилъ, часто-ли я ихъ покупаю, а я отвѣтилъ: каждый день. Онъ вздохнулъ слегка, какъ будто слишкомъ много покупалъ, а потомъ сказалъ, что ему нужно идти домой писать проповѣдь.

О, Боже! Что это такое! Хотя разъ-то они не бранили бѣднаго Жоржа и не сѣкли его и не послали въ постель ни свѣтъ, ни заря. Папа говоритъ, что купить на слѣдующей недѣлѣ велосипедъ. Должно быть, я оказался очень полезнымъ. Прошлый вечеръ, когда я уже написалъ въ своемъ дневникѣ и мнѣ совсѣмъ не хотѣлось спать, я пошелъ въ комнату Лили, чтобы взять одинъ изъ ея капотовъ и испугать Бетси, я почувствовалъ, что въ карманѣ что-то есть; оказалось письмо, которое я и прочелъ. Тамъ стояло: «Карета будетъ ждать сегодня въ 9 часовъ вечера — выйди потихоньку, все пойдетъ хорошо. Не заставь меня ждать напрасно, дорогая Лили».

— Что это? — сказалъ я. — Теперь почти девять. Пойду посмотрю.

Я повѣсилъ капоть обратно въ шкафъ, спустился по черной лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Я спрятался за бочкой съ золой. Вѣрно: на углу стояла карета. Черезъ минуту пришла сестра Лили въ пальто и съ узломъ въ рукѣ. Мистеръ де-Джонсъ выскочилъ изъ кареты, помогъ ей сѣсть, захлопнулъ дверцу, и они покатили. Кучеръ погналъ лошадей, какъ будто на пожаръ.

Я со всеѣхъ ногъ побѣжалъ домой, влетѣлъ въ комнату, гдѣ все сидѣли, и вынализъ:

— Вы бы лучше поторопились, если хотите еще нагнать ихъ. Я думаю, кучера слѣдовало бы задержать за то, что онъ такъ бьетъ лошадей!

— О чемъ ты говоришь? — спросила мама.

— О, ничего! Только Лили уѣхала съ нимъ въ каретѣ. Они побѣжали въ Плетвилль вѣнчаться. Я видѣлъ, какъ они уѣхали.

Папа проговорилъ что-то очень скверное. Бессъ побѣжала навверхъ въ комнату Лили, чтобы посмотреть, правду-ли сказала. Меня погна-ли въ кровать, какъ всегда, когда случится потѣха. А сегодня я иду внизъ къ завтраку, а моя милая

Лили уже сидитъ съ другими за столомъ, а послѣ завтрака она говоритъ мнѣ: «О, Жоржи, какъ могъ ты выдать насъ!» и вдругъ начинаетъ громко плакать.

Ужъ лучше бы я этого не сдѣлалъ.

Глава V.

Маленькій фокусникъ.

Такого гама еще никогда не было, какъ въ эти послѣдніе дни, у насъ въ домѣ. Можетъ быть, я могу сдѣлаться наѣздникомъ въ циркѣ, но опытъ сдѣлаться магомъ мнѣ положительно не удался. Это вовсе не такъ легко, какъ я воображалъ. Оно кажется такъ легко, когда смотришь, какъ онъ это дѣлаетъ, а когда начнешь пробовать самъ, то ничего не выходитъ. Вечеромъ послѣ того, какъ мы съ папой были у Германна, я надѣялся, что самъ могу дать представленіе.

Лотти Сирсъ и двѣ другія дѣвочки были въ гостяхъ у моихъ сестеръ. Я пошелъ въ кладовую и выудилъ себѣ дюжину яицъ. Съ Лотти Сирсъ пришелъ молодой человекъ, настоящій модный франтъ изъ Нью-Йорка. Яйца у меня уже были, и такъ какъ мнѣ еще нужна была шляпа такая, какъ у Германна, то я взялъ его шляпу съ вѣшалки въ передней -- это былъ блестящій цилиндръ самой послѣдней моды. Я разбилъ яйца въ шляпѣ и разставилъ мои вещи на столикѣ въ задней комнатѣ, какъ будто я настоящій волшебникъ.

Потомъ я воскликнулъ:

— Пожалуйте, милостивые государи и милостивыя государыни! Здѣсь можно видѣть знаменитаго мага и фокусника Германна! За входъ всего 25 центовъ.

Всѣ засмѣялись и вошли. Молодой франтъ далъ мнѣ 25 центовъ за всѣхъ. Я взялъ шляпу, потрясъ ее и сказалъ:

— Господа, здѣсь передъ вами волшебныя яйца.

Они всѣ заглянули въ шляпу и увидѣли раздавленные яйца. Господинъ не зналъ, что это была его шляпа, а моимъ сестрамъ это тоже не пришло въ голову, а потому всѣ смѣялись.

— Прощу смотрѣть внимательно.

— Хорошо, -- отвѣчали всѣ.

— А теперь они опять цѣлы, -- сказалъ я и потрясъ шляпу совсѣмъ такъ, какъ фокусникъ, но чертовскія яйца не хотѣли склеиться. Такъ я и долженъ былъ это бросить. Франтъ смѣялся такъ, что едва не задохся, но когда я ему сказалъ, что очень безпокоюсь, что такъ выпачкалъ его шляпу и ему теперь нечего будетъ надѣть, чтобы идти домой, то онъ вдругъ сталъ очень серьезенъ. Его лицо вдругъ вытянулось на 3 фута, и онъ смотрѣлъ на меня, какъ будто хотѣлъ меня проглотить. Бессъ прогнала меня, Сусанна сказала, что скажетъ отцу, и такъ всегда бываетъ, -- невинный мальчикъ ничего не можетъ сдѣлать безъ того, чтобы его не выпнали вонъ или не толкали. Часто, часто хотѣлось мнѣ быть резиновымъ.

На другой день я хотѣлъ дать представленіе въ конюшнѣ. Я понизилъ плату до 1 цента. Всѣ мальчики пришли туда. Я взялъ мамыны часы изъ ящика ея письменнаго стола, въ то время, какъ она сидѣла за обѣдомъ, и ступку съ пестикомъ, въ которой кухарка толчетъ орѣхи и миндаль. Я сказалъ, какъ Германнъ: «Не будетъ-ли одна изъ дамъ такъ любезна одолжить мнѣ свои золотые часы?» а Джон-